

A watercolor illustration of a street scene. On the left, a building with a red roof and a blue arched doorway is visible. A path leads from the foreground towards the building, flanked by green trees and bushes. In the background, a blue sky and a body of water are depicted. The overall style is soft and painterly.

Для поклонников
«Хроник семьи Казалет» Э. Говард

ХЭРРИЕТ ЭВАНС

МЕСТО ДЛЯ НАС

«БЛЕСТЯЩЕ НАПИСАНО И НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ С ВАМИ».
FABULOUS MAGAZINE

Хроники семьи от Хэрриет Эванс

Хэрриет Эванс

Место для нас

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Эванс Х.

Место для нас / Х. Эванс — «Эксмо», 2015 — (Хроники семьи от Хэрриет Эванс)

ISBN 978-5-04-111800-6

День, когда Марта Винтер решила разрушить свою семью, начался обыкновенно, как всякий другой день... Марта, жена и мать троих детей, садится одним летним утром, чтобы написать приглашения для гостей на свое восьмидесятилетие. Она знает, что в этот день все изменится. Марта расскажет правду, потому что больше не может молчать. Все то, что они создавали и строили вместе с мужем больше пятидесяти лет, разлетится на мелкие щепки. Приглашения отправляются в разные уголки мира, и вот уже на празднество спешит доктор Билл, интеллектуалка Флоренс и добропорядочная Дейзи. Воссоединение обнажит душевные раны и вскроет обиды, живущие с героями всю жизнь. Добро пожаловать в Винтерфолд. Семья Марты Винтер возвращается домой.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111800-6

© Эванс Х., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть первая. Приглашение	6
Марта	6
Дэвид	10
Карен	15
Флоренс	18
Джо	23
Кэт	27
Люси	32
Дейзи	40
Джо	42
Флоренс	53
Карен	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Хэрриет Эванс Место для нас

Harriet Evans
A PLACE FOR US

© Сосновская Н., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Беа и Джоки – с любовью

Часть первая. Приглашение

Семья – милый осьминог, от щупальцев которого нам никогда до конца не ускользнуть. Впрочем, в глубине души мы и не хотим до конца ускользнуть.

Доди Смит, «Милый осьминог»

Марта

Август 2012

День, когда Марта Винтер решила разрушить свою семью, начался обыкновенно, как всякий другой день.

Проснулась она рано. Она всегда просыпалась рано, а в последнее время ей вообще не спалось. Этим летом она к пяти часам утра чаще всего бывала уже одета: слишком много было такого, о чем требовалось подумать. Не имело смысла валяться в постели.

В это конкретное утро Марта проснулась в половине пятого. Глаза открылись, пришли воспоминания, и подсознание явно усвоило грандиозность того, что она собралась совершить. Марта села, потянулась и ощутила тупую боль в костях и острую – в колене. Она надела старый шелковый розовый халат с рисунком из павлиньих перьев и тихонько прошла по спальне. При этом, как водится, наступила на скрипучую половицу и, как водится, бесшумно закрыла за собой дверь.

Дэвида не было. Марта могла по пальцам пересчитать те ночи, когда они не спали вместе, и эта ночь была из таких. Дэвид уехал в Лондон, чтобы присмотреть за подготовкой выставки, и Марта собралась осуществить свой план сегодня, пока он не вернулся и не сказал ей, что она не права.

В конце августа солнце еще всходило рано над холмами, окружавшими Винтерфолд. Пышные кроны деревьев рассеивали оранжево-розовый свет. «Скоро, – словно бы шептали листья, когда ветер шевелил их по ночам, – скоро мы высохнем и умрем; все когда-то умирает». Да, кончалось лето, и Большая Медведица по ночам появлялась на западе. В вечернем воздухе уже стояла прохлада.

Не потому ли, что скоро осень? Или потому, что скоро ее восьмидесятый день рождения? Что с такой силой подталкивало к тому, чтобы сказать правду? «Наверное, – подумала Марта, – дело в выставке». «Война Дэвида Винтера» – вот как она будет называться. Дэвид сказал, что в Лондон едет из-за выставки – встретиться с галеристами и посмотреть старые рисунки.

Но Марта знала, что это ложь. Она хорошо знала Дэвида и всегда понимала, когда он врет.

Вот из-за чего все началось. Кто-то в какой-то лондонской галерее решил, что настало время устроить такое шоу, – решил, плохо понимая, какой вред это принесет. Мол, прошлое умерло и похоронено, от него теперь не будет никакого зла. «А помните, у Дэвида Винтера были неплохие работы – виды разбомбленного Лондона?» – «Дэвид Винтер? Тот, что рисовал комикс «Уилбур»?» – «Он самый». – «Вот это да! Понятия не имел, старина. А откуда он родом?» – «Из Ист-Энда, кажется. Да он не только мультяшных собачек рисовал и прочую муру». – «Отличная мысль. Напишу ему, спрошу».

И планы были составлены, и все завертелось. Правда неизбежно должна была явить себя миру.

Каждое утро Марта заваривала себе чай в чайнике. И при этом напевала. Она любила петь. Кружку она всегда брала одну и ту же – из корнуэльского фаянса, с синими и белыми

полосками. Марте нравилось обхватывать горячую кружку скрюченными пальцами. Теперь у нее было время пить чай галлонами, а чай Марта любила крепкий. «Крепкущий» – как называла его Доркас. Славное сомерсетское словечко, Марта узнала его во время войны. Ей было семь, когда их эвакуировали в Бермондси. Четверо ребятишек в одной комнате. В войну жизнь и смерть выпадали так же случайно, как, скажем, складывалась судьба мухи – прихлопнут ее или промахнутся. В один прекрасный день Марту просто-напросто впихнули в поезд, а на следующее утро она проснулась в незнакомом доме с деревьями за окном. С таким же успехом можно было оказаться на луне. Марта тогда спустилась по лестнице в слезах и увидела Доркас, сидевшую за столом.

– Чашку чая, детка? Вкусного, крепкущего, а?

Как это было давно!.. Марта выпила первую кружку чая и разложила на столе ручки и гладкую кремовую бумагу, готовясь к тому моменту, когда сможет начать писать.

Сколько уже прожито в этом чудесном доме, где каждый дюйм устроен с заботой, переделан с любовью. Сорок пять лет! Поначалу Марта думала, что им не справиться. Когда они увидели этот дом, картина возникла жуткая: половицы сгнили, викторианские деревянные панели были покрыты зеленой краской, а сад представлял собой огромную кучу компоста – правда, это был не навоз, а гора подгнившей мульчи.

– Не получится, – сказала Марта Дэвиду. – У нас не хватит денег.

– Я заработаю, Эм, – сказал он ей. – Что-нибудь придумаю. Мы должны жить здесь. Это знак.

Дети весело прыгали, держа родителей за руки. Малышка Флоренс возбужденно скакала, как обезьянка, и что-то невнятно бормотала. Билл подбегал к окнам и выглядывал наружу.

– Смотрите, смотрите! Вон там большущая дохлая крыса валяется, и ее кто-то пытался сожрать! Да смотрите же!

Даже у Дейзи глаза загорелись, когда она увидела, сколько вокруг места – а значит, Уилбуру будет где побегать.

– А деньги-то у вас есть? – спросила Дейзи обеспокоенно. Марта знала, что Дейзи слышит все.

Дэвид взял дочку на руки.

– Я заработаю денег, моя крошка. Заработаю. Разве не стоит заработать на такой дом?

Марта навсегда запомнила то, что Дейзи сказала потом. Она вынудила отца поставить ее на землю и, строптиво скрестив руки, заявила:

– Мне тут не нравится. Слишком красивенько. Пошли, Уилбур.

Марта и Дэвид с усмешкой переглянулись.

– Мы все-таки будем жить здесь, – сказала она, чувствуя прикосновение яркого солнца к макушке. У нее за спиной весело перекликались дети.

Дэвид улыбнулся.

– Даже не верится. А тебе?

– Скажем им почему?

Муж поцеловал Марту и нежно погладил ее щеку.

– Думаю, не стоит. Пусть это будет наш секрет.

Тогда денег у них не было, а теперь, разумеется, были. Дэвид придумал пса Уилбура и девочку Дейзи, которой казалось, что она понимает собачий язык. Сейчас практически в каждой семье есть книжка комиксов и кухонное полотенце с изображением Уилбура. А тогда, до Уилбура, у Винтеров мало что было, кроме друг друга. Только Марта и Дэвид знали, через что им пришлось пройти, чтобы оказаться в тот жаркий день тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года на лужайке перед этим домом и решить, что они купят Винтерфолд.

Она не забыла ничего – ничего из того, что случилось раньше этого дня и потом. Не забыла тех секретов, которыми обрастает каждая семья. Одни из этих секретов были малень-

кими – крошечные нескромности, неприметные шуточки. Другие были большими, слишком большими. Такими, что Марта больше не могла их терпеть.

Утреннее солнце поднялось выше деревьев. Марта прошла по кухне, ожидая, когда заварится еще одна порция чая. Искусству терпения она научилась давным-давно. Когда у тебя есть дети, начинаешь жить медленнее, теряешь мечты о собственной карьере и постепенно совсем о них забываешь. Ей тоже хотелось стать художницей – не меньше, чем ее мужу. Но каждая беременность все крепче привязывала к дому. Ты лежишь на боку, не в силах заснуть, и ощущаешь движения ребенка; спина болит, дышится тяжело, и остается лишь ждать, когда родится дитя. А потом ты старишься и живешь еще медленнее, а дети растут и покидают тебя. Сколько угодно прижимай их к себе, но в один прекрасный день они уйдут, и это так же неизбежно, как то, что солнце встает по утрам.

«Билл пока здесь», – напомнила себе Марта. Впрочем, Билл с самого начала был особенным. Когда они перебрались в Винтерфорд, ему исполнилось восемь. Дейзи и Флоренс весь день проводили в саду или в лесу – в домике на дереве. К ним прилипали друзья, грязь и бесчисленные истории. А Билл, как правило, сидел дома, возился с конструктором, играл сам с собой в «морской бой» или читал книжки. Его милое серьезное лицо светилось надеждой, когда он приходил в кухню или в гостиную и обращался к ней со словами: «Здравствуй, мама. Ты себя хорошо чувствуешь? Тебе чем-нибудь помочь?»

И тогда Марта, которая чинила розетку или затыкала мышиную норку (дом постоянно требует заботы), улыбалась, зная, в чем дело: Билл считал минуты до их встречи, потому что хотел быть рядом с ней все время, но понимал, что нельзя. Это было по-девчачьи, и Дейзи уже дразнила Билла, а тем более мальчишки в школе. Поэтому Марта, если решала, что ничего страшного не будет, обнимала сына и давала ему какое-нибудь задание – помыть посуду или порезать овощи. И он, и она делали вид, будто Биллу вовсе не хочется находиться здесь, что он просто ей помогает... Где же теперь этот серьезный кареглазый мальчик, каждый день разбивавший ей сердце своей любовью?

Но хотя бы он остался здесь, поблизости. А дочери – нет. После Билла родилась Дейзи. В то самое мгновение, когда Марте принесли дочку, когда она взглянула в зеленые глаза Дейзи – точно такие же, как у нее, – Марта сразу все поняла. Она великолепно разгадывала сердитые, то и дело меняющиеся выражения личика дочки, а потом – ее любовь к одиночеству и маленькие хитрые замыслы. За шесть десятилетий совместной жизни Марта и Дэвид до хрипоты спорили только из-за Дейзи. Люди ее не понимали.

«Дейзи? О, у нее все прекрасно. Она редко нам пишет и звонит – очень занята, да и оттуда, где она живет, не так просто позвонить, там со связью проблема. Но иногда она присылает сообщения. Мы очень ею гордимся». Да, в этом было некоторое лукавство, однако Марта знала: Дейзи выросла хорошим человеком. А вот Флоренс... Флоренс часто казалась Марте жирафом, выросшим в семействе угрей. Марта любила ее, очень гордилась ею, восхищалась ее интеллектом, страстностью и тем, что дочь, невзирая ни на что, стала такой особенной. И все же порой Марте хотелось, чтобы она была не такой уж... *Флоренс.*

Билл, Дейзи, Флоренс. Марта убеждала себя, что любит своих детей одинаково, но в тайном уголке своей души она хранила нечто наподобие считалочки: Билл был ее первенцем, Дейзи – первой дочкой, а Флоренс была дочкой Дэвида. Марта напевала слова считалочки, когда пропальывала грядки в саду, или шла в деревню, или чистила зубы. Слова застряли в голове, как навязчивая песенка, и ее запись звучала порой даже по ночам.

Марта стала ловить себя на том, что боится – вдруг кто-то сможет заглянуть в ее сердце и увидит, что она натворила. Однако время секретов закончилось. Наступало другое время. Скоро, очень скоро все тайны будут раскрыты.

Но захочет ли кто-нибудь вернуться после того, как будет сказана правда? В Винтерфолде все торжества проходили по заведенному порядку, никаких отклонений, даже по мелочам. Вечеринка с выпивкой на Рождество была самым грандиозным событием на многие мили вокруг: глинтвейн варили на чугунной плите «Ага» и подавали в здоровенном, высотой в два фута глиняном горшке. Знаменитые имбирные пряники Марты в форме звезд развешивались на ленточках по веткам рождественской елки, которую ставили в гостиной у застекленных дверей. Так происходило много лет подряд, так и будет продолжаться. А угощение в Валентинов день, когда дети подавали гостям сэндвичи в форме сердечек, а гости пили слишком много тернового джина, и на обратной дороге глубокой ночью до деревни совершалось немало любовных ошибок (подросток Билл, как-то раз сошедший с автобуса поздно вечером, возвращаясь с другой вечеринки, клялся, что видел, как миссис Тэлбот, работавшая на почте, целовалась с миссис Экرويد, хозяйкой «Зеленого человечка», по другую сторону павильона автобусной остановки)! Каждый год в ночь Гая Фокса¹ устраивали фейерверки, а на Пасху – невероятно популярные поиски яиц. Ну и конечно, обязательная летняя вечеринка в августе. Люди продумывали, когда уйти в отпуск, чтобы эту вечеринку не пропустить. На лужайке ставили тент, а вдоль всей подъездной дорожки развешивали бумажные фонарики.

Ничего не менялось – даже после той кошмарной летней вечеринки... когда же это было... в тысяча девятьсот семьдесят восьмом или в семьдесят девятом? В общем, тот праздник стал местной легендой. Никто не знал почему и не смог бы объяснить, как это получалось, что в гостях у Марты и Дэвида все было так особенно. Красивый дом, вкусная еда, всегда – теплая компания, всегда – весело. Марта стремилась только к одному – чтобы каждому было хорошо. Кем бы ты ни был – телевизионной актрисой из особняка на холме или почтальоном, который летом каждый день останавливался поболтать с мистером Винтером про крикет. И чтобы никогда не было «толпы». Они с Дэвидом хотели создать дом как место, не похожее на их прошлое. Чтобы у детей было такое детство, которое навсегда останется с ними. Чтобы дружно трудиться. Чтобы быть счастливыми.

В саду в траве прыгал черный дрозд и тыкал ядовито-желтым клювом в землю цвета какао. Дрозд глянул яркими, словно стеклянными, глазками на Марту, сидевшую у окна с заготовленными для письма ручками, затем вспорхнул и полетел к живой изгороди, а Марта сделала еще глоток чая и буквально секунду помедлила, наслаждаясь последними мгновениями покоя. Потому что знала: как только она начнет писать, заработает часовой механизм бомбы. Она отправит приглашения, и все соберутся на праздник, и она, Марта, наконец сможет рассказать, что она наделала. И после этого уже ничего никогда не будет как раньше.

Единственная слеза упала на обшарпанный кухонный стол. Марта выпрямилась. «Возьми себя в руки, старушка. Пора».

Кончик ручки осторожно заскользил по бумаге. Линии начали пересекаться и извиваться и в конце концов образовали... дом – длинный приземистый дом. Крыша, деревянные контрфорсы, старинная парадная дверь. А под рисунком Марта написала красивым курсивом:

*Дэвид и Марта Винтер приглашают вас на праздник в честь 80-летия
Марты.*

Будет сделано важное объявление.

Очень просим вас приехать.

*Фуршет для друзей – в пятницу, 23 ноября 2012, в 19.00. Семейный обед в
13.00, в субботу, 24 ноября. Винтерфолд, Винтер-Стоук, Сомерсет. R.S.V.P.²*

¹ Ночь Гая Фокса, также известная как Ночь костров и Ночь фейерверков, – традиционное для Великобритании ежегодное празднование в ночь на 5 ноября. Праздник установлен в честь раскрытия так называемого «порохового заговора».

² Répondez s'il vous plaît (фр.) – «Пожалуйста, ответьте».

ДЭВИД

Это было ошибкой. Ему не стоило возвращаться.

Дэвид Винтер сидел в одиночестве в уголке паба и всеми силами старался не подавать вида, насколько ему здесь не по себе. Вернуться туда, где ты жил раньше, – это одно, но устроить здесь встречу... Зря он это предложил. С другой стороны, он просто не знал, куда еще пойти. На месте «Lyons Corner House»³ теперь разместился банк, другие старые заведения в окрестностях либо исчезли, либо настолько обуржуазились, что и на пабы-то перестали походить.

Дэвид размял ноющие пальцы и вновь посмотрел на часы, часто моргая. Бывали дни, когда он чувствовал себя лучше. А случались такие дни, когда черная туча норовила поглотить его целиком. Она казалась мягкой, как подушка, и манила уплыть вместе с ней. Он ужасно устал. Все время чувствовал себя усталым. Был готов лечь и умереть. Но не мог. Пока не мог.

Семьдесят лет назад, когда он был мальчишкой, самым крутым пабом в округе было заведение под названием «Spanish Prisoners»⁴. Ходили слухи, будто некогда тут выпивал Потрошитель, а за барной стойкой вроде бы закопана убитая барменша. Избитые фразы здесь не были смешными, они были правдивыми. В «Spanish Prisoners» можно было встретить Биллов Сайксов всех мастей, да и Нэнси⁵ тут попадались – женщины наподобие матери Дэвида. Не существовало ничего такого, чего Дэвид не знал бы об этих темных уголках, запуганных женщинах, о страхе, который настолько въедался в тебя – до самых костей, что дай бог избавиться от него к концу жизни, освободиться от тени этого ужаса.

Паб «Spanish Prisoners» пропах табаком, мочой и потом, плесенью, помоями и крепким портером. Туда приходили мужики, помнившие, как по Ислингтон-Хай-стрит гнали овец на Смитфилдский рынок. Еще они помнили, как умерла старая королева, сыновья которой погибли на англо-бурской войне. Дейви Дулан собирал мелочь, которую кидали матери, когда она играла на пианино, а потом ждал, чтобы помочь ей довести до дома мужа. Если тот решал идти домой... Снаружи паб выглядел обыкновенным георгианским домом: лондонский кирпич, большие окна. Поразительно – как только он мог внутри быть таким мрачным логовом. Чтобы туда войти, надо было либо ничего не бояться, либо помирать от жажды.

Теперь, в две тысячи двенадцатом, паб стал неузнаваем. Сверкающий храм кофе и микропивоварни. Дэвид жалел, что у него болят руки, не то он обязательно вытащил бы блокнот и принялся делать наброски. Сияло полированное дерево, сверкало стекло. Меню пива было длиннее руки Дэвида от локтя до кончиков пальцев. Он не мог решить, с чего начать, и в итоге остановился на апельсиновом соке. Бармен был с бородкой и в черепаховых очках. Когда он, закончив смену, проходил к выходу, Дэвид заметил опытным глазом мультипликатора, что бармен в шортах, носках, мокасынах и с холщовой сумкой с принтом. А раньше он принес Дэвиду маленький стакан свежесжатого сока из валенсийских апельсинов и вежливо произнес:

– Четыре фунта, пожалуйста.

Четыре фунта за стакан апельсинового сока? Дэвид подумал о том, как рассмеялась бы Марта, если бы увидела, что он – впервые в жизни! – возмутился ценой. Но Марты рядом не было, и Дэвид не мог об этом ей рассказать. Ему приходилось врать насчет этой поездки в Лондон. А врать жене было противно.

³ «Угловой дом со львами».

⁴ «Испанские узники».

⁵ Билл Сайкс – убийца и грабитель из романа Чарльза Диккенса «Оливер Твист». Нэнси – его подручная.

Строго говоря, ложью было не все: действительно предстояла выставка его ранних ирландских работ. Когда ему позвонили, он ведь согласился, правда? Через две недели после звонка из галереи с идеей выставки Дэвид наконец вытащил рисунки, десятки лет пролежавшие внутри папок. Эти папки хранились в шкафу, который стоял в кабинете Дэвида. Он дождался момента, когда Марта вышла из дома, и, стиснув зубы, вытащил папки из шкафа. Поначалу все было не так плохо, а потом вдруг стало невыносимо – невыносимо снова смотреть на эти работы, снова взваливать на себя тяжесть этой ноши. Дэвид опустил голову, прижался лбом к столу и заплакал как ребенок. И никак не мог успокоиться, даже пришлось сказать Марте, что у него опять разболелась голова и что ему надо лечь. Вот тогда он и осознал, что это значит. Это значит, что он должен позвонить ей и умолять о встрече.

– Дейви?

Кто-то прикоснулся к его плечу, и Дэвид вздрогнул от неожиданности.

– Не надо, не вставай.

– Да что ты... – Он с трудом поднялся, часто дыша. Каждый вдох давался с трудом. –

Конечно, я встану. Кэсси, дорогая.

Он положил руку на ее плечо.

Они смотрели друг на друга. Глаза в глаза – после сорока четырех лет разлуки.

Она была одного роста с ним – для женщины многовато, но ему это всегда в ней нравилось. Глаза холодные, ясные, серые; казалось, они видят тебя насквозь и смеются над тобой. Гладкие пепельно-русые волосы собраны в аккуратный пучок. Обручального кольца на руке не было. Она выглядела... стильно.

– Ты все такая же высокая, – сказал Дэвид. – Высокая, стройная и красивая. Я бы тебя сразу узнал.

Она, не сводя глаз с Дэвида, стала вертеть в руках пояс своего пальто.

– Про тебя я так не скажу, Дейви. Ты выглядишь... хорошо. Я бы тебя не узнала.

Дэвид едва заметно улыбнулся.

– Позволь, я закажу тебе что-нибудь выпить.

– Нет, Дейви. Я сама. Сиди.

Она вернулась с ромом и колой.

– Пять фунтов восемьдесят! Пять фунтов восемьдесят, Дейви, просто грабеж!

Ее грустная улыбка позволила Дэвиду расслабиться. Он указал на свой апельсиновый сок.

– Четыре фунта.

– Мир сошел с ума.

– Да уж.

Потянулась неловкая пауза. Кэсси сделала глоток рома. Дэвид кашлянул.

– Ну... как у тебя дела?

– Спасибо, все в порядке.

– Где ты живешь?

– У меня квартира недалеко от Эссекс-Роуд. Вернулась сюда, как видишь.

– Я рад, – произнес Дэвид.

– Теперь тут все не так. Никого из прежних знакомцев нет. Вокруг одни банкиры да адвокаты. Или молодежь. Я никого не знаю. – Ее глаза под густой челкой наполнились слезами. – Далеко до Мюриел-стрит, где ты живешь, да?

Он кивнул. Теперь ему здесь было не место. Он надеялся, что потом удастся прогуляться, но эти улицы для него по-прежнему были наполнены страхом. Дэвиду вдруг нестерпимо захотелось оказаться дома, в залитом солнцем кабинете, и чтобы было слышно, как в кухне поет Марта... Дэвид часто заморгал. Дейзи уехала, да? Флоренс тоже... А Кэт с нами? Нет, уехала и Кэт. Все уехали.

– У тебя есть еще дети? Прости, я ведь ничего о тебе не знаю. – Дэвид смущенно рассмеялся.

– Ты помнишь: я не хотела, чтобы мы с тобой общались, – сказала Кэсси. – Послушай, у нас обоих своя жизнь. Нет, у меня нет детей, Дейви. У нас с Терри не было детей. – Она посмотрела на него заплаканными глазами. – Ты понимаешь, о чем я.

Дэвид положил руку поверх руки Кэсси.

– Но вот объясни: зачем ты захотел меня увидеть? После стольких лет.

Дэвид поерзал на стуле.

– Я умираю, – сказал он и улыбнулся, стараясь не обращать внимания на боль, которая никогда его не покидала.

Серые глаза Кэсси широко раскрылись.

– Дейви... Рак?

Ему всегда нравилось, как протяжно она произносит гласные. «*Раак*». Типично лондонское произношение. Сам он от него избавился намеренно. Очень старался как можно скорее научиться говорить иначе.

– Нет. Сердце. – Дэвид сжал пальцы в кулак и разжал – как ему показывал доктор. – Умирает сердечная мышца. Больше не хочет работать. В один прекрасный день я просто... пфффф. И все.

И тут у нее закапали слезы. Маленькие черные кружочки появились на свежесполированной крышке стола.

– Ох, Дейви.

Он ничего не сказал Марте. Знал обо всем только его сын, Билл. И когда Кэсси обняла его, подставив ему под голову свое плечо, сотрясаемое беззвучными рыданиями, Дэвид вдруг осознал, что она – единственное, что связывает его с тем, откуда он родом. Многие годы он старался забыть ту жизнь и стремиться к другой, золотой жизни, которую он пообещал себе и которой заслуживала Марта – и все только ради того, чтобы теперь так страстно, так одержимо вновь разыскивать свое прошлое.

«Понимаете, некоторые работы... – болезненно морщась, проговорил сегодня утром Джереми, директор галереи на Дувр-стрит. – Я не уверен, что их стоит выставлять. Какая будет реакция... Надо же учитывать чувствительность зрителей. Вот эта работа, например».

Он подвинул к Дэвиду картину, выполненную акварелью, гелевой ручкой и тушью.

На любую из своих работ Дэвид смотрел, прижав руки к бокам, – так легче вспоминалось, что перед ним, почему он это зарисовал и как тогда все было. На самом деле этот рисунок он помнил хорошо. Разбомбленный квартал в Лаймхаусе⁶. Он ходил туда утром после бессонной ночи. Ракеты «Фау-2» начали падать на Лондон уже в конце войны, и они были намного страшнее бомб времен «Блица»⁷. Ракета летела почти бесшумно. Ты ее слышал, только если ракета не летела прямо на тебя. А если она летела на тебя, то ты ее слышал, когда было уже слишком поздно.

С того дня, когда на их улицу упала бомба, Дэвид спал мало и плохо. Ему снилось, будто он вытаскивает из-под обломков мать и сестру и они вместе бегут куда-то в безопасное место. Нет, не в убежище, а далеко-далеко, за город, где есть деревья, а мертвых людей нет. И еще нет отца – огромного и черного, от которого пахнет пивным перегаром и чем-то другим, чем пахнут мужчины.

В то утро Дэвид проснулся рано. Он шел и шел – как любил. Он мог часами ходить по городу. В конце концов, никому до него дела не было. Он прошел вдоль канала до Лаймха-

⁶ Район на юго-востоке Лондона.

⁷ «Блиц» (англ. *The Blitz*; в некоторых источниках также встречаются названия «Лондонский блиц» и «Большой блиц») – бомбардировка Великобритании нацистской Германией в период с 7 сентября 1940 года по 10 мая 1941-го, часть Битвы за Британию.

уса, мимо разбомбленных складов и брошенных кораблей. На скамейке спала девушка; по ее щекам была размазана помада, тускло-зеленая твидовая юбка скомкалась вокруг ног. Дэвид подумал: наверное, это одна из «таких» девушек, и остановился было, чтобы нарисовать ее, однако появился полисмен на велосипеде и прогнал его. Он шел и шел дальше, потому что Джон, мальчишка с их улицы, сказал ему, что там, дальше, очень страшно.

Наброски, сделанные тем утром в районе Виктория-Корт, со временем превратились в ту самую картину, на которую ему указали сегодня утром, почти семьдесят лет спустя, в тихой белой галерее в Мэйфейр. Но даже спустя столько лет он все еще помнил, как все было тогда. Рыдающие женщины с растрепанными, выбившимися из-под платков волосами. Обезумевшие мужчины, разбиравшие завалы. И, как ни странно, тишина. Вблизи от проезжей части уцелела одна стена дома; Дэвид присел на корточки и стал ее рисовать.

Утренний ветерок шевелил обрывки желтых обоев с рисунком в виде ленточек. Половинка разбитой чашки, пакет риса, оловянная тарелка с пятнами облезлой голубой краски. А еще рука ребенка, видимо – грудного. Ткань хлопчатобумажной рубашечки разлохматилась там, где ручку оторвало от тела силой взрыва. Крошечные согнутые розовые пальчики.

«Безусловно, эту работу надо оставить», – сказал он.

Джереми растерялся.

«Дэвид, на мой взгляд, работа прекрасна. Но она слишком мрачная».

«Война вообще штука мрачная, – произнес Дэвид, едва не лишившись чувств от боли. – Если вам нужны щекастые оборванцы, роющиеся в обломках домов, готовьте другую выставку».

Склонив голову, он вспоминал и вспоминал те дни. Разговор прекратился.

А теперь, обнимая Кэсси, он понял, что уже не знает ее и что обязан сделать то, ради чего сюда пришел. Дэвид откинулся на спинку стула и погладил руку Кэсси.

– Не плачь, дорогая. Позволь мне объяснить, почему я хотел с тобой встретиться.

Кэсси утерла нос платочком.

– Хорошо. Только не расстраивай меня. Паршивец ты, до слез довел – через столько лет. Ты ведь меня бросил, Дэвид.

– Не начинай. Разве я тебе не помогал?

– Ты мне жизнь спас, – сказала Кэсси. – А потом – моей малышке. Я всегда помню об этом. Дейви... – Она горько вздохнула. – Жаль, что все не вышло по-другому, да?

– Не знаю, – проговорил Дэвид. – Может быть. А может быть, если бы все вышло иначе, я не попал бы в Винтерфолд. Я не встретился бы с Мартой. У меня не было бы детей.

– Послушай, назови мне их имена. Как их зовут? Старший Билл, это я помню. Где он?

– О, Билл никогда не уезжал далеко. Живет в деревне. Врач-терапевт. Столп общества, можно сказать. Женат на очаровательной девушке, Карен, она намного моложе его. Это второй брак у Билла, у него есть взрослая дочь, зовут Люси. Потом – Дейзи. Она... Мы теперь с ней редко видимся. Она в Индии. Занимается благотворительностью. Очень предана своему делу. Собирает средства для школ в Керале⁸.

– Ничего себе! Часто приезжает домой?

– Все очень печально. Совсем не приезжает.

– Совсем?

– Уже много лет. У нее тоже есть дочка. Кэт. Живет в Париже. Мы вырастили ее... после того, как Дейзи... уехала.

Эта новость явно удивила Кэсси.

– Она бросила собственного ребенка?

⁸ Керала – штат на юго-западе Индии.

– Да. Дейзи не поддается объяснению. Она... это непросто понять. Мы ею очень гордимся.

Привычная ложь давалась легко. На самом деле, теперь Дэвид много думал о Дейзи. Гадал, что с ней было не так, не виноват ли в этом он. Может быть, наследственность...

– А другая дочка, Дейви... как ее зовут?

– Флоренс – сущее дитя. Хотя очень высокая.

Кэсси встретила с Дэвидом взглядом.

– Как отец.

– Как отец, да, и мы с ней очень близки. Она... – Дэвид немного помедлил. – Вся в науке.

Она профессор, Кэсси. Искусствовед. Живет во Флоренции.

– Живет во Флоренции, и ее зовут Флоренс.

Дэвид улыбнулся.

– Да, верно.

Подошла ленивого вида официантка и поинтересовалась, будут ли они заказывать еду. Ее вопрос словно разрушил некие чары. Дэвид посмотрел на часы и отказался. Кэсси убрала бумажник в сумочку. Затем поцокала языком и спросила:

– Так чего же ты хочешь?

Дэвид вдохнул поглубже, не обращая внимания на трепещущую боль в груди.

– Я хочу, чтобы ты приехала в Винтерфорд. Чтобы ты со всеми познакомилась. Пока я не умер.

Кэсси рассмеялась. Ее смех изумил Дэвида – он был громким, утробным, немного истеричным. Кэсси смеялась и смеялась, пока не начали оборачиваться другие посетители паба, которым стало любопытно, что так рассмешило двух стариков за столиком в углу.

Отсмеявшись, Кэсси сглотнула сдавивший горло ком и допила остатки рома с колой.

– Нет, – сказала она. – Ни за что. У тебя своя замечательная жизнь, а у меня своя. Мы давно договорились. Хотела бы я, чтобы было по-другому, но нет.

– Нужно все открыть, исправить! Я хочу, чтобы это случилось прежде, чем... Я не знаю, долго ли протяну. Может, несколько месяцев, а может, несколько лет. Но...

Кэсси сжала запястье Дэвида. Ее глаза ярко сияли.

– Дейви, ты всегда говорил, что я умней тебя. Помнишь? Так вот послушай. Оставь прошлое в покое. Забудь, что повидался со мной, хорошо?

– Но разве для тебя ничего не значит семья, совсем ничего?

Дэвид попытался удержать руку Кэсси, однако она высвободила ее и встала.

– Да, мой дорогой, кое-что значит. Семья для меня означает боль и страдания, и с этим очень крепко связан ты. Живи, сколько тебе отпущено судьбой, и радуйся. – Кэсси поправила большой яркий шарф, не глядя на Дэвида. Голос у нее дрожал, но она решительно произнесла: – Да будет так, Дейви. Благослови тебя бог.

Карен

Карен Винтер сидела за маникюрным столиком, а девушка-маникюрша держала ее пальцы и удаляла кутикулу. За окном со свинцово-серого неба непрерывно лил дождь, и из-за этого золотистый батский камень⁹, из которого были выстроены дома, казался скучным, грязным песчаником. Пешеходы торопливо проходили мимо маникюрного салона, их фигуры за запотевшим стеклом расплывались в тусклые пятна. Карен рассеянно смотрела на экран настенного телевизора, настроенного на музыкальный канал.

Приглашение принесли сегодня утром, когда она выходила из дома. Что все это означало? Черт побери, что задумала Марта? Верна ли ее догадка?.. Вообще-то Карен сначала действовала, а уж потом размышляла. Когда у них гостила ее падчерица Люси, она доводила Карен до бешенства. Люси валялась в постели чуть ли не до обеда, драматично вздыхала, говоря по телефону, с бешеной скоростью набирала тексты эсэмэс, а свои мудрые мысли записывала в книжечку, которую именовала дневником. На взгляд Карен, все это выглядело ужасно претенциозно. Потом Люси являлась в кухню в середине дня и сообщала, что совсем не выспалась, потому что «много думала». Карен, которая была всего на десять лет старше Люси, хотелось прошептать: «А ты не могла «много думать» и при этом разгрузить посудомоечную машину?»

Большая поклонница мотивационных книг по психологической самопомощи, Карен знала, что главным принципом эффективной жизни, как о том написано в книге «7 навыков высокоэффективных людей», является поведенческая этика. Люси недоставало поведенческой этики. А у Карен она была, и поэтому... Ладно, замнем для ясности, как говорится.

Карен вздохнула. Корейли посмотрела на нее.

– Все хорошо, мисс?

– Да.

В маникюрном салоне было тепло, уютно, многолюдно. До Карен доносились обрывки непринужденной болтовни женщин. В «Marks & Spencer» – распродажа одежды, чей-то ребенок отказывается есть спагетти, кто-то отпрашивается на Минорку¹⁰ по системе «все включено».

– Я вчера плоховато спала, – добавила Карен неведомо почему.

– Ох. Нехорошо. А почему?

Корейли помассировала руки Карен, нанесла крем и старательно втерла его в кожу.

Карен мучительно хотелось почесать щеки – она так делала с детства, попадая в неловкую ситуацию.

– Так, по семейным обстоятельствам.

– О, семья... – Корейли кашлянула.

Карен улыбнулась.

– Моя свекровь устраивает вечеринку. А мне не очень туда хочется. Понимаешь?

– Конечно, понимаю. – Корейли сделала большие глаза. – А где они живут?

– К югу отсюда. Их поместье называется... Винтерфолд.

Карен посмотрела на Корейли, ожидая, что та узнает название и как-то отреагирует. Реакции не последовало.

Впрочем, с какой стати этой девушке знать про Винтерфолд? Да, люди произносили «Винтерфолд» негромко и торжественно – так произносят слова типа «королева» или «Национальный фонд». Винтеры были знамениты, они знали всех на много миль вокруг, их приемы считались легендарными, и все благодаря Марте. У нее в шкафу лежало множество шерстяных одеял для летних пикников. Она готовила терновый джин, мариновала зеленые помидоры,

⁹ Особая разновидность известняка с фрагментами карбоната кальция.

¹⁰ Остров в архипелаге Балеарских островов (Испания).

шила флажки для дней рождения, помнила обо всех годовщинах и приносила родителям новорожденных детей круглую лазанью. При этом она не задерживалась, не квохтала над младенцем – просто отдавала лазанью и уходила. Марта не стремилась стать лучшей подругой; она просто делала так, чтобы ты чувствовал себя как дома. Она умела слушать.

Единственная попытка Карен сотворить что-то подобное – фуршет в канун Нового года дома у них с Биллом – с треском провалилась. Сьюзен Тэлбот, которая заведовала в деревне магазином и почтой под одной крышей и с которой, следовательно, нужно было обращаться мило и ласково, а не то Винтер-Стоук скатился бы в средневековье, слишком низко наклонилась к шведской рождественской горке со свечами, которую Карен смастерила по инструкции, взятой из журнала... Словом, у Сьюзен загорелись волосы. И все было безнадежно испорчено. Их дом оказался слишком мал для тридцати гостей, а запах жженных волос не желал уходить даже после того, как были открыты нараспашку все окна и двери.

«Так похоже на нас с Биллом!» – подумала Карен. Они не умели хорошо «развлекать». По крайней мере дочка Билла привносила в дом немного жизни, хотя была неаккуратна, горласта и прыгуча, как Тигра¹¹. Глядя на Люси, Билл улыбался. Когда она гостила у Билла и Карен, к ним начинали заглядывать гости. Девочка потрясающе соединила в себе качества бабушки и дедушки. Как Дэвид, она излучала тепло. Как Марта, она могла сотворить нечто из печеной картошки и упаковки ветчины и превратить это в восхитительный зимний ужин, и потом рекой текло вино, а от шума и смеха дом расцветал, словно пустыня после дождя... Карен купила Сьюзен купоны в салон красоты «Топу & Гуу», чтобы извиниться за новогодний конфуз, но Сьюзен жутко обиделась. Если бы в происшествии со Сьюзен была виновата Люси, она бы сделала так, что через несколько секунд все бы уже весело хохотали и выпивали, а Сьюзен Тэлбот ушла бы домой обласканная вниманием и благодарная за бесплатную стрижку.

Потом, когда они легли спать, Карен сердито сказала Биллу: «Не сомневаюсь: у твоих родителей на вечеринке такого ужаса не случилось бы ни за что».

Билл рассмеялся.

«Еще до тебя у нас случилась «Катастрофа летнего праздника».

«Что?»

«О, много лет назад. Наш пес, Хэдли... – Билл улыбнулся, помолчал и добавил: – На самом деле все было ужасно. Но гости остались до трех часов ночи, невзирая на дождь. И даже конгу¹² отплясывали, если мне память не изменяет».

Хотя ей до смерти хотелось узнать, что именно стряслось на том празднике, Карен отвернулась от мужа и сделала вид, будто засыпает. У них была вечеринка, случилось что-то кошмарное, и тем не менее это тоже стало поводом для веселья... Винтеры во всей красе!

Может, тогда их брак и дал трещину... Впрочем, этого, конечно, никто не замечал. Карен ненавидела себя за то, что недолюбливает свекра и свекровь, однако ничего не могла с собой поделать. В конце концов, Винтерфолд – всего лишь усадьба, а не храм. И Винтеры всего лишь семейство.

– Моей свекрови исполняется восемьдесят лет. У нее красивый дом, – сказала Карен маникюрше. – Не так далеко отсюда. И вот... они устраивают семейный праздник.

– Это же хорошо, – спокойно отозвалась Корейли. – Почему вы не хотите к ним ехать?

У Карен на скулах заходили желваки.

– Потому что... мы очень разные. Мне там не по себе.

Карен даже фамилии Корейли не знала, не знала, где она живет, но эти слова было проще сказать ей, чем мужу. Она уже четыре года была замужем за Биллом и знала каждую родинку и веснушку на его стройном теле. Знала, какую он любит яичницу и что он имеет в виду, когда

¹¹ Персонаж сказки Алана Александра Милна «Винни-Пух и Все-все-все».

¹² Танец афрокубинского происхождения. Во время танца танцоры выстраиваются цепочкой и держат друг друга за талию.

на пятнадцать разных ладов произносит «гм-м-м», а вот как сказать ему об этом – не знала. «Мне там не по себе».

– Не по себе?

Ловкие пальцы Корейли сжали мелкие косточки в кисти руки Карен. Она вздрогнула.

– Будто бы... мне там не место. Ладно, пустяки.

– Вы чувствуете себя глупой с ними рядом. Понимаю. – Корейли взяла со стойки рядом со столиком флакончик с бесцветным лаком для ногтей и встряхнула его.

Карен изумленно уставилась на флакончик.

– Что-то в этом духе.

Карен представила себе, какое было бы лицо у Марты, услышь она ее слова. А знала ли Марта о том, как себя чувствовала Карен? А Билл знал? Или его безумная сестрица, чокнутая Флоренс? Флоренс практически не замечала Карен, словно ее не существовало. Карен еле слышно рассмеялась. Она вспомнила, как они познакомились с Биллом и он сказал ей, что у него есть сестра, изучающая искусствоведение.

«Она весь день просто смотрит на картины? Правда? Такая у нее *работа?*»

«Да, боюсь, что так», – ответил Билл таким тоном, словно Карен сказала что-то смешное, и она покраснела. Спокойный мужчина, который был – на сколько же? – лет на десять старше ее, до странности красивый и вежливый. Карен хотелось разговаривать с ним только ради того, чтобы слышать его мягкий голос и видеть, как светятся глаза, когда он смотрит на нее. А она при первой же встрече выставила себя дурой.

Забавно было вспоминать об их первой встрече. Тогда Карен подумала: «*Он мог бы стать отцом моих детей*». Она в одно мгновение со всей полнотой ощутила, что нашла надежного, спокойного, веселого и доброго человека. Только с возрастом Карен ошиблась – Билл оказался старше ее на семнадцать лет, он почти что в отцы ей годился. Он был двадцать лет женат, у него была дочь-подросток. Довольно серьезная ошибка. «И вот теперь мне приходится за это платить, – подумала она. – Я плачу за то, что мне среди них не место».

Карен услышала жужжание мобильного телефона – пришло текстовое сообщение. Она опустила глаза, посмотрела на сумочку. Ее руки были в плену.

– А можно мне покрыть ногти лаком другого цвета? Не хочу бесцветный.

– Отлично. Какой цвет вы хотите?

Корейли указала на стойку у нее за спиной, где многоцветными рядами выстроились бутылочки с лаком, похожие на конфеты. Карен кивнула.

– «Пятая авеню», пожалуйста. Третий с конца.

Корейли обернулась и взяла с полки третью бутылочку с краю. Повернула к себе доннышком.

– Точно, «Пятая авеню». А вы как догадались?

– Просто знаю, – пожала плечами Карен.

– Яркий, сексуально-красный цвет. – Корейли притянула к себе тонкую загорелую руку Карен и отвинтила колпачок флакончика с лаком. – Куда-то собираетесь вечером?

– Нет, – ответила Карен. – Останемся дома.

– Ага! – улыбнулась Корейли. – Хотите хорошо выглядеть, да? Вечером с муженьком.

– Что-то вроде того. – Карен вымученно улыбнулась.

Флоренс

– О господи, – пробормотала Флоренс Винтер, торопливо шагая по улице и на ходу засовывая приглашение во вместительную, но туго набитую соломенную сумку. – Что же это значит?

Она расстроилась. Приглашение упало на холодные плитки пола в прихожей, когда она пила кофе. Много лет назад ее брат Билл шутил: мол, она потому поехала учиться в Италию, чтобы там пить кофе, сколько душе угодно. Вскоре он шутить на эту тему прекратил – ведь Флоренс жила в Италии уже двадцать лет. К тому ж теперь во Флоренции повсюду встречались либо пабы наподобие ирландских – итальянцы на них просто помешались, либо безликие пиццерии, обслуживающие непрерывно вращающуюся карусель японских, американских, французских и немецких туристов. Где выпить приличный кофе?

Флоренс уже не так комплексовала из-за того, что самыми ужасными туристами зачастую оказывались англичане. Они были то жирными и раздраженными из-за того, что им приходится находиться в этой битком набитой культурой, но почти лишенной развлечений дыре, то, наоборот, отчаянно пытались выставить себя итальянцами. При этом они размахивали руками, тараторили что-то типа «*grazie mille*,», «*il conto*» и «*por favore*»¹³, будто вот это и превращало их в итальянцев и будто каждый официант не говорил по-английски, потому что теперь без этого никак было не обойтись. Флоренс было то стыдно за свою родину, то печально за мир, в котором она обитала. Благородный цветок Возрождения, прекрасная Флоренция превращалась в город-призрак, в историко-тематический парк, наполненный стаями посетителей, которых подгоняли вперед розовые зонтики и микрофоны. И все же она любила Флоренцию всем сердцем.

Много лет назад, совсем маленькая, она спросила отца, почему ее назвали Флоренс.

«Потому что мы ездили во Флоренцию в свадебное путешествие и были там счастливы, – серьезно ответил ей Дэвид. – Я упросил твою маму пообещать, что, если у нас родится девочка, мы назовем ее Флоренс, чтобы она каждый день напоминала нам о том, как сильно мы были влюблены друг в друга».

«А почему же вы Дейзи так не назвали? Она же первой родилась?»

Отец рассмеялся.

«Ей это имя не годится. А тебе в самый раз».

И он поцеловал ее макушку.

В детстве лучшим подарком на день рождения Флоренс была поездка в Лондон с любимым отцом. В Лондоне они всегда проводили время одинаково. Сперва – Национальная галерея, где они любовались картинами эпохи Возрождения, а особенно «Благовещением» Фра Филиппо Липпи. Флоренс нравилась история о целомудренном монахе, который бежал из монастыря с золотоволосой монахиней. Она обожала спокойное и сосредоточенное лицо отца, когда тот смотрел на прекрасного кудрявого ангела, на изящный изгиб склоненной головы Марии, узнающей о своем предназначении.

«Самое прекрасное произведение искусства в мире», – говорил ее отец всякий раз, и всякий раз было видно, что эта картина его по-настоящему трогает.

Затем они пять минут шли пешком до Джермин-стрит и обедали в одном и том же старомодном ресторане «Brights», где официанты были ужасно чопорные, а столы прятались под белоснежно-белыми льняными скатертями. Флоренс здесь чувствовала себя очень взрослой. Она пила имбирное пиво из огромного хрустального бокала, ела стейк размером с ее голову и вела подходящие беседы с отцом. В кои-то веки – никаких разговоров об Уилбуре; все окру-

¹³ Большое спасибо, счет, пожалуйста (*итал.*).

жающие обязательно интересовались этой дурацкой собакой. А когда Флоренс была рядом с отцом, люди непременно желали узнать, не Дейзи ли она. Флоренс ужасно злилась. Дейзи это тоже пришлось бы не по вкусу, но злилась бы она не так сильно.

Во время этих обедов Флоренс могла спрашивать отца о чем угодно, поэтому он не говорил о такой скукотище, как капризы Дейзи, о девчонках в школе и спорте. А говорили они о том, что случалось увидеть отцу во время его путешествий, потому что он, когда был моложе, где только не побывал.

«Пока ты не женился на Ма и не родились все мы».

«Ма тоже ездила со мной. Мы оба были художниками и хотели увидеть мир. А потом родились все вы, мы переехали в Винтерфолд, и нам уже не очень-то хотелось куда-то ездить».

На самом деле Флоренс не понимала, зачем они перебрались в Винтерфолд, когда могли бы жить в Лондоне. Ее тянуло в Лондон, но стоило ей спросить отца, родившегося и выросшего в Лондоне, о его жизни здесь, как он неизменно отвечал: «Лондон мне никогда особо не нравился».

Напрямую о своем детстве он не рассказывал, не говорил ничего типа: «У твоей бабушки были голубые глаза» или «Мы жили на такой-то улице». Лишь туманно упоминал о событиях из своей жизни. Флоренс восхищалась отцом, и ей хотелось узнать о нем как можно больше. Она слышала рассказы отца о мистере Уилсоне, учителе рисования в школе, который разрешал Дэвиду оставаться после уроков и брать домой цветную бумагу и пастель. Рассказы о мальчишке, жившем на соседней улице, – он родился без носа. Отец утверждал, что это чистая правда. А еще – о том, как однажды отец сел на поезд до Бата, а потом несколько часов шел пешком, пока не увидел Винтерфолд и не дал себе слово, что когда-нибудь сюда вернется. В ту пору отец любил ходить пешком. Во время войны он ходил пешком в центр, на концерты в Национальную галерею. Все картины вывезли в пещеру в Уэльсе, зато в то время там играли на рояле. Как-то раз прозвучала сирена воздушной тревоги, и Дэвиду пришлось вместе с остальными несколько часов прятаться в подвале. Там были служащие из ближайших кварталов, молодые влюбленные, встречавшиеся во время ланча, старики-аристократы. Очень напуганные, они пели песни, а один старик-аристократ угостил Дэвида шоколадным батончиком.

Много лет спустя Флоренс побывала в Национальной галерее – она читала лекцию студентам перед картиной Учелло «Битва при Сан-Романо». Мысли у нее начали блуждать, и она вдруг осознала, что во время «Блица» ее отец был совсем маленьким, не старше девяти-десяти лет. Страшно было представить, что он в таком возрасте один ходил по улицам в разгар войны. Когда она потом заговорила с ним об этом, отец улыбнулся.

«Для своего возраста я был взрослым. А твое детство было безопасным, Фло».

«Чему я очень рада», – сказала она тогда. На самом деле, радовалась она, когда ей удавалось остаться наедине с книжкой, а еще лучше – сразу с несколькими книжками, и чтобы ей не мешали собаки, родители, и чтобы Дейзи не приставала.

А отец сказал: «Ну, так это же хорошо, верно?»

Флоренс часто гадала, не было ли ее детство чересчур безопасным. Сейчас, почти в пятьдесят, ей казалось, что надо бы покрепче встать на ноги, ухватиться за жизнь, а та все вернее ускользала от нее, как уходящий поезд. Маленькая девочка, которая была слишком высокого роста для отвергнутых ухажеров старшей сестры и которой хотелось только читать и смотреть на картины, стала профессором, сотрудником Британского колледжа истории искусств во Флоренции, автором двух монографий и соавтором еще нескольких книг, профессором лондонского Института искусств, иногда участвовала в радиопередачах, а в прошлом году ее пригласили в телешоу Мелвина Брэгга «В наше время». Впрочем, большую часть из того, что она там сказала, вырезали. Когда Флоренс нервничала, она начинала путаться в словах, и зачастую было невозможно уловить ее изначальную точку зрения. Когда она писала в одиночестве своей квартиры или просто размышляла, для нее все было совершенно ясно. Терялась она тогда,

когда требовалось говорить вслух и общаться с людьми. Ей было трудно совладать с реальностью.

Когда Флоренс в последний раз побывала в Англии, в июле, ее пригласили на ужин в дом коллеги по Институту Курто, Джима Бакстона. В годы учебы в Оксфорде Джим был ее бойфрендом и остался добрым, хорошим другом. Он был женат на Амне, профессоре-исламисте из Университетского колледжа в Лондоне. Амна большую часть года проводила в жутко далеких местах типа Ташкента и говорила на шести разных языках. Флоренс, честно говоря, ее побаивалась. Они жили в Ислингтоне, недалеко от центра города, но из-за целого ряда несчастий, включающих разбитые очки и оторвавшуюся подметку, Флоренс приехала поздно и была смущена и растерянна. Когда Джим представил ее остальным гостям, одна из них, известный редактор из издательства «Penguin» по имени Сюзанна, привстала, пожала руку Флоренс и сказала: «О, знаменитая профессор Винтер! Мы слышали вас по радио, вы говорили о Мазаччо. В целом я с вами согласна, но что касается вашей трактовки *«Изгнания Адама и Евы»* – оно уж слишком упрощенное, если не сказать больше... О!»

Сюзанна изумленно воскликнула, поскольку Флоренс, державшая в руках холщовую сумку для книг, служившую ей дамской сумочкой, неведомо зачем низко наклонилась. При этом из карманов на пол высыпалась мелочь, Флоренс попятилась, полуоторванная подошва подвернулась, и она едва не упала. Флоренс ушла в туалет на нижнем этаже и просидела там пять минут, понимая, что следовало бы извиниться за опоздание. Сказать про разбитые очки, и как из-за этого она села не на тот автобус, и что из-за оторванной подошвы она шла медленно... Вот только не удавалось придумать, как же все-таки поизящнее извиниться, чтобы неловкий момент был забыт.

Когда Флоренс вышла из туалета, все уже перешли в столовую. Она села за стол, и другие гости на нее особо внимания не обращали. А она бы почти что предпочла, чтобы эта редакторша Сюзанна и в самом деле сочла ее чокнутой. Пусть бы вообще все сочли ее чокнутой. Тогда не обязательно заморачиваться, хитро выпутываясь из ситуаций, связанных с общением с людьми.

На следующий день Флоренс зашла в кабинет Джима.

«Извини меня за вчерашнее, Джим. Прости, что я надолго застряла в туалете. Я была слегка не в себе. И мой ботинок тоже. Хо-хо».

А Джим с улыбкой ответил: «Не переживай. Сюзанна жуткая. Испортила весь вечер, можно сказать».

Этот вопрос преследовал ее неотступно. Какой же детали не хватало в головоломке? Она точно знала, что эта деталь существует, но никак не могла ее разглядеть. Неужели она зря потратила последние двадцать лет, глядя на одни и те же картины, разрабатывая одни и те же мысли, при этом не придя ни к каким ценным выводам? Она просто тасовала свои мнения, раскидывала их по журналам, книгам и группам студентов. Разве не за то же самое платят банкирам, перекладывающим деньги из одной пачки в другую? Флоренс любила Флоренцию, но не по одной ли единственной причине она жила здесь – ради мужчины, которому было абсолютно все равно, существует она на свете или нет?

«Нет, – говорила она себе в те мгновения, когда была повеселее, – ему не все равно. Не все равно».

Флоренс торопливо прошагала по мосту Понте Санта-Тринита, почти не глядя на туристов, что толпились на мосту Понте-Веккьо между крошечных магазинчиков. Флоренс удавалось блокировать современный мир, отключаться от него – пожалуй, даже слишком успешно. Если бы на мосту появился Лоренцо Великолепный верхом на коне и спросил у Флоренс на восхитительном итальянском эпохи Возрождения, не согласна ли она сопроводить его в палаццо, чтобы там полакомиться жареным диким вепрем, она бы не удивилась.

Она так увлеклась, представляя себе, как оделся бы Лоренцо де Медичи в будний день для прогулки по городу – а он действительно ходил по городу и именно поэтому был великим государственным деятелем, по-настоящему Великолепным, – она ушла в такие глубокие раздумья, что, свернув на улицу к колледжу, оступилась и рухнула на мостовую со странным чувством – наверное, так пьяный человек теряет ощущение собственного тела.

– *Attento!*¹⁴ Синьора, осторожнее, пожалуйста! – прозвучал сердитый голос, от которого у Флоренс часто забилося сердце.

Она лежала на мостовой, шевеля руками и ногами, словно перевернувшийся на спину жук.

– О, это вы. Ради бога, смотрите под ноги, ладно?

Флоренс сама поднялась, а Питер Коннолли с такой силой оторвал от своей ноги кожаные ремешки ее сумки, что Флоренс едва не вскрикнула.

– О господи, – пробормотала она, глядя вокруг. – Где мои очки?

– Понятия не имею. – Питер потирал ногу. – Жутко больно, Флоренс. Вы...

Он умолк и огляделся.

На них с любопытством смотрели подходившие к колледжу студенты. Как же – романтический, слегка эксцентричный, но все еще производивший впечатление профессор Коннолли, автор бестселлера об эпохе Возрождения, на основании которого историю Медичи превратили в «мыльную оперу» в сериале ВВС. Он был знаменит, этот сериал смотрели мамочки студентов! А рядом – чудачка, профессор Винтер: волосы растрепаны, ищет очки. Пластиковая оправа потрескалась, тонкие проволочные дужки зачастую слетали с ушей, когда она наклонялась. Кто-то видел, как на прошлой неделе, проходя мимо Уффици, Винтер распевала какую-то песню группы «Queen». Довольно громко.

У Флоренс закружилась голова. Она смущенно посмотрела на Питера и отбросила с лица прядь волос. Он сильно изменился после выхода этой треклятой книжки – похоже, с упоением слушал голоса сирен Славы. Книжка подавала все легко и стильно, академично приглаженно – как любят на телевидении. Но как же Питер стал не похож на кудрявого, чуточку разочарованного мужчину, которого Флоренс когда-то узнала и полюбила – полюбила так сильно, что...

– Вот... – Профессор Коннолли поднял сумку Флоренс и повесил ей на плечо.

– Ха-ха! Отпустите меня, профессор Коннолли! – громко проговорила Флоренс, прижав руку к груди.

Слетавшие с ее языка шутки всегда выходили совершенно нелепыми. И, как водится, она жутко выглядела. Чокнутая старая карга, в которую никто никогда не был влюблен, а уж тем более профессор Коннолли – единственный из всех людей, кому она надеялась открыть душу.

Профессор наклонился и что-то подобрал с мостовой.

– Вы уронили, – сказал он, с любопытством устремив взгляд на листок бумаги. – Симпатичное приглашение. От вашей родни? Своеобразный способ приглашать гостей на праздник. А что означает последняя фраза?

Флоренс осторожно взяла письмо из руки Коннолли и прикусила губу.

– Спасибо. Приглашение от родителей. Понятия не имею, что это значит. Видимо, чтобы узнать, придется слетать домой.

– Снова покидаете Флоренцию? – с едва заметной улыбкой произнес Коннолли. – Мы начинаем осваивать искусство скучать по вам.

Он качнулся с носка на пятку и приподнял воображаемую шляпу.

– А разве... разве я вам зачем-то нужна, Пи... профессор?

Коннолли одарил Флоренс взглядом, полным искреннего изумления.

– Боже, нет. С чего вы взяли?

¹⁴ Внимание (*итал.*).

Еще шуточка, еще одна маленькая издевка. Флоренс к этому привыкла. Она знала его секрет и была рада хранить его до следующего раза, когда у Питера возникнет потребность прибегнуть к ее услугам. Флоренс склонила голову, словно дама, прощающаяся с рыцарем.

– Что ж, вынуждена проститься с вами, хотя и не навсегда, – произнесла она изысканную фразу. Увы, и это у нее получилось кое-как.

Коннолли направился к двери-турникету, даже не попрощавшись. Флоренс захромала ко входу. Держа в руке письмо, она непроизвольно бросила взгляд на него и снова удивилась. Ма хотела, чтобы они все вернулись домой.

Зачем? Что-то с отцом? Или с Дейзи?

А потом Флоренс вдруг поняла, что знает зачем.

Джо

Джо Торн всем весом навалился на дубовую барную стойку и скрестил руки на груди. Середина утра, середина недели. Он ожидал, что паб будет... ну, если не битком набит, то, по крайней мере, сюда заглянет несколько завсегдатаев, закажут по пинте пива, а может, на ланч явится и парочка ранних пташек. Увы. Дуб, в честь которого именовался бар, отбрасывал угрюмую тень. Огонь в камине не развели – было еще не настолько холодно. Миски со свинными отбивными с хрустящей корочкой, собственноручно пожаренные и нарезанные Джо, стояли на стойке нетронутые. Бочонки с пивом были полны, бокалы сверкали.

А в баре – ни души.

Шейла Купер, владелица бара, появилась на пороге кладовой.

– Не стой сложа руки, Джо, – проговорила она, шутливо хлопнув Джо кухонным полотенцем. – Никто не захочет зайти в паб, если заглянут и увидят, что ты рычишь на них, как свирепый медведь. Пойди-ка лучше порежь хлеб. Я тебя еще час назад попросила.

– Да зачем? – проворчал Джо уныло, однако послушался и вошел в небольшую кухню.

Он взял свежеспеченный батон дрожжевого хлеба и взвесил в руках. Джо любил хлеб, его запах и текстуру. Любил пружинящую мягкость свежеприготовленного теста, любил хлопнуть ладонью по низу только что вынутого из печи карава и услышать приятный звук, похожий на удар барабана. Ему нравилось, что в домашнем хлебе запечена любовь и забота – нечто вроде новой жизни. Джо принялся отрезать тонкие, ровные куски хлеба, держа нож крепкими пальцами. «Для кого я это делаю? – думал он. – Какой в этом прок?»

Шесть месяцев назад Джо покинул Йоркшир, Джейми и свой дом, чтобы приехать сюда и начать работать на Шейлу. Пятнадцать лет она проработала в Лондоне в разных ресторанах, а в прошлом году вернулась на родину, в Винтер-Стоук, с кое-какой наличностью в карманах и мечтой возродить «Дуб». Ей хотелось сделать этот паб лучшим заведением в Сомерсете, где можно было поесть, но чтобы «Дуб» при этом остался хорошим местным пабом. «Получше «Спортсмена» в Уитстейбле, получше «Звезды» в Хэроуме. «Хочу обзавестись мишленовской звездой» – так сказала Шейла Джо, и у Джо чаще забилося сердце. Он поверил этой женщине и, хотя совсем не был с ней знаком, почему-то не усомнился, что у нее все получится. А Джо, с его послужным списком, был самым подходящим кандидатом на должность повара. На собеседовании он приготовил для Шейлы свиное брюшко с фенхелем, азиатские паровые булочки, ремулад с капустой и тройной карамелизированный десерт: мороженое с попкорном, крем-карамель с ирисом и компот с маршмэллоу. Сам он не был таким уж любителем карамели с морской солью, но по телефонному разговору с Шейлой понял, что ей нравятся модные блюда.

Джо согласился на предложение, потому что доверял Шейле. Он не мог отказаться, от таких шансов не отказываются, да и вообще настала пора покинуть Йоркшир. Если бы не Джейми, Джо уехал бы давным-давно. Да, тот ресторан имел мишленовскую звезду, но там он научился всему, чему хотел. Шеф-повар ресторана был психопатом, закоренелым консерватором, и работа там не приносила удовольствия – больше приходилось заботиться о красоте оформления блюд и своевременном приготовлении, нежели о бережной выпечке и готовке с любовью. Джо готовил еду, чтобы радовать людей, а не слышать, как они обмирают от восторга, видя настурции в салате или вкушая сорбет, приправленный сумахом. Да мало ли всяких глупостей в наши дни приходилось творить, чтобы прослыть крутым молодым шеф-поваром!

Джо хотелось работать в заведении, крепко ушедшем корнями в народ. Ему хотелось видеть стариков-завсегдатаев, которые за кружкой пива вспоминают войну, а еще – чтобы одинокие люди заходили почитать газету. Чтобы ресторан был местом свиданий, годовщин, свадеб, поминок. Словом – чтобы все были как одна семья. Джо представлял себе развеселые компании за стойкой, и чтобы вечером люди пели песни, а он бы подавал им вкусную, с любовью

приготовленную еду. Такую еду, которая людей объединяет и радует. А Джо готовил самую лучшую еду, какая только...

Но так не получилось. Прошло шесть месяцев, а весь народ до сих пор ходил в «Зеленого человечка» – паб, расположенный дальше по главной улице. В «Зеленом человечке» можно было смотреть «Sky Sports»¹⁵, там лежали велюровые ковры, а у двери валялись горы окурков, которые никто не думал выметать. Подавали там чипсы с ароматом маринованных огурцов и зачерствевшее печенье, а по субботам почти регулярно случались драки. Короче, та еще дыра. Но почему-то именно туда тянуло жителей Винтер-Стоука и окрестностей. «Дуб» был закрыт слишком долго, а изменить привычки людей очень непросто.

У Шейлы оставалось еще несколько месяцев; если к Рождеству дела не пойдут на лад, она запросто сможет сказать Джо, что они безработные. Ей придется продать паб, а Джо, образно говоря, вылетит на улицу, и тогда ему останется только одно – уехать к матери, в Пикеринг. В последние несколько недель дела шли так, что этот вариант выглядел вполне вероятным. Впрочем, Джо скучал по дому, по матери и сестре – скучал сильнее, чем сам ожидал. Однако больше всего он тосковал по Джейми.

Порой, когда Джо думал о Джейми, он был почти готов собрать вещи и рвануть в Йоркшир. Так случалось, когда он вспоминал его курчавые светлые волосы и темные круги под глазами, и красное родимое пятнышко над верхней губой малыша, и слова, от которых у Джо разрывалось сердце: «Когда я вырасту, пап, я буду жить на Луне. А ты будешь ко мне приезжать по такой длиннющей трубе, которую тогда построят, ладно?»

И чем больше Джо старался не думать о сыне, тем хуже ему становилось. Теперь он знал, что, глядя на фотографии Джейми на экране смартфона, он его к себе не приблизит. По идее, Джо мог встречаться с Джейми раз в месяц, однако получалось не всегда. То Джемма отправлялась в отпуск в Турцию, то был день рождения у лучшего друга Джейми, то школьная экскурсия заканчивалась слишком поздно, и Джейми не мог приехать в Сомерсет, или Джо не мог взять его к своей матери в Пикеринг. Беда была в том – и Джо это отчетливо осознавал, – что со временем все станет только хуже, потому что Джейми не будет жить с ним постоянно. Конечно, не будет, он должен жить с мамой. Но Джо тосковал по нему, и стоило ему вспомнить о сыне, как у него словно прищепкой сжимали сердце, а в носу щипало, и глаза заволакивали слезы. Тогда он сглатывал слюну, опускал голову и молился за Джейми и за все, чем бы его сын ни занимался. Играл на переманке, рисовал за маленьким столиком, или возился на полу с игрушечными динозаврами, или танцевал под песню «Телефон», которую пела Леди Гага. Джейми что угодно мог делать под эту песенку.

– Джо! Джо? – донесся голос Шейлы.

– Почти закончил. – Джо сморгнул слезы и утер лоб тыльной стороной ладони. – Почти закончил.

– Нет. Я не про хлеб. Тебя миссис Винтер спрашивает.

Джо вздрогнул и мгновенно вернулся в настоящее. Нож выскользнул из руки, лезвие угодило по пальцу и рассекло его. Все произошло словно в замедленной съемке: Джо почувствовал, а самое паршивое – увидел, как мелькнула перед глазами белая твердая кость. Почти без интереса он наблюдал за тем, как длинная толстая линия окрасилась кровью, черно-красная кровь хлынула из раны, причем ее было очень много, и белая форменная одежда Джо покрылась алыми пятнами.

Шейла вскрикнула:

– Что за... О, Джо, милый, что ты натворил!

¹⁵ Sky Sports – бренд спортивных телеканалов в Великобритании и Ирландии, входящих в состав компании спутникового телевидения Sky. Самый популярный платный спортивный телеканал в Великобритании и Ирландии.

Джо поднял вверх залитую кровью руку. Обмотал ее полотенцем. В этот момент наконец пришла сильная боль. Он улыбнулся, у него слегка закружилась голова.

– Дурак я. Прости. Ты меня напугала. Миссис Винтер... Она в баре?

– Ничего, я ей скажу...

– Нет. – Джо крепче затянул узел на полотенце. – Никому не отказывай, а уж особенно – из таких людей.

И он следом за Шейлой вышел из кухни.

– Здравствуйте, Джо. – Марта Винтер бросила взгляд на окровавленное полотенце. – О господи, что у вас с пальцем?

– Производственная травма. – Джо снова ощутил пульсирующую боль. – Чем могу помочь?

– С вами точно все в порядке?

Джо кивнул. Марта посмотрела на него немного неуверенно.

– Хотела с вами поговорить... Мне интересно, сможете ли вы приготовить угощение для праздника, который состоится у нас в ноябре. В пятницу будет фуршет, и понадобятся канапе для пятидесяти гостей.

Чуть хрипловатый, начисто лишенный акцента голос подействовал на Джо успокаивающе.

– Что ж, отлично. – Он начал мысленно подсчитывать, во что Марте Винтер обойдутся канапе на пятьдесят человек. – Не проблема.

– А потом еще обед в субботу. – Марта немного помедлила. – Главное торжество.

– А в субботу сколько человек?

– Только семья. Семеро, я полагаю.

Винтеры в этих краях были знаменитостями, и Джо всегда казалось, что семья у них побольше. Он с любопытством произнес:

– Я думал, родня у вас многочисленная.

– Верно. Нас было около двадцати, – ответила Марта. – Но я всех убила и закопала в саду.

– Оставшихся проще накормить, – сказал Джо, и они оба смущенно улыбнулись.

– Дэвид говорит, что вы потрясающий повар.

– Он слишком добр.

Дэвид Винтер иногда заглядывал в паб выпить виски. Джо он очень нравился. Практически только с ним и удавалось по-настоящему поговорить.

– Да, он хороший человек. И к еде относится серьезно, – улыбнулась Марта.

– Это я знаю, – кивнул Джо. – Никогда не видел, чтобы кто-то так быстро ел пирог.

По улыбающемуся лицу Марты пробежала тень.

– В общем, он посоветовал заранее предложить вам работу на нашем празднике. Он опасается, что вы скоро уедете. – Марта оперлась локтями о стойку. – Дайте нам шанс, хорошо?

Джо замер.

– Я вовсе не... Мне тут очень нравится, миссис Винтер.

– Давайте без формальностей, ладно? – поморщилась Марта. – Я лишь хотела сказать, что понимаю, как вам непросто. Когда я только приехала сюда, я тут никого не знала. Я тогда была болтушкой-кокни и думала, что здесь сушее захолустье. Дыра, одним словом.

Джо не мог поверить, что миссис Винтер когда-то была кокни.

– Так вы из Лондона?

– Да, из Бермондси. Когда началась война, меня эвакуировали, и... – Она махнула рукой. – Ладно, не будем. Я понимаю, вам здесь тяжело. Но люди в этих краях хорошие. Просто нужно время.

У Джо кружилась голова, а палец так пульсировал, что, казалось, вот-вот лопнет.

– Да, конечно. – Пытаясь сосредоточиться, Джо взял со стойки ручку и неловко сжал ее пальцами правой руки. – Давайте я напишу вам расценки.

– Вы левша? Господи, а вы левую руку поранили... Я тоже левша, и Дэвид. Все самые достойные люди – левши. И моя внучка Кэт тоже. Она живет в Париже. – Марта торопливо добавила: – Она вам понравится. Надеюсь, она придет на наш праздник. Я ее давно, очень давно не видела.

Джо попытался кивнуть и поморщился от боли. Она была права. Нет, *левая!*.. Смешно!

– Что ж, я рад за вас. Так о чем мы... – Боль от порезанного пальца растеклась по всему телу. – Простите...

– Похоже, у вас очень сильное кровотечение, – сказала Марта.

Она взяла его за руку, и прикосновение ее теплой кожи подействовало на Джо почти опьяняюще. Зеленые глаза Марты излучали сочувствие. Голова закружилась еще сильнее.

– Думаю, лучше отвезти вас к Биллу – на всякий случай.

– Нет... я не хотел бы... Нет-нет, не волнуйтесь... – Все перед ним вдруг закачалось. Джо ухватился за поручень стойки правой рукой и слотнул сдавивший горло ком. – Я сейчас, сейчас, мне только надо...

Пол начал подниматься вверх, веки жутко отяжелели. Когда у Джо подкосились ноги, он увидел лицо Марты – изумленное и встревоженное, и ее губы в форме буквы «О». А потом перед глазами все медленно почернело.

Кэт

Вечно она опаздывала. Вечно ей нужно было куда-то бежать. Кэт торопливо шагала по рынку мимо бесконечных кричаще-красных цикламенов, узловатых гераней с потускневшими цветами, кустиков с яркими оранжевыми ягодками. Когда работаешь на цветочном рынке, обязательно замечаешь смену времен года. Кэт каждый год страшилась прихода зимы – ведь нужно было целый день стоять под открытым небом и неотвратно замерзать. Но в первую неделю сентября все еще царило лето; туристы по-прежнему заполняли узкие улочки острова Сите и двигались медленно, словно зомби, опустив голову и пялясь на экраны своих смартфонов.

Кэт шла по узкому пешеходному мосту у подножия Нотр-Дама, пробираясь через толпу. Всегдашняя группа джазовых музыкантов играла печальную ритмичную версию песенки «There's a Small Hotel»¹⁶, и Кэт немного замедлила шаг. Это была одна из любимых песен ее бабушки. Она напевала ее по вечерам, расхаживая по кухне с кружкой чая в руке.

– Привет, англичанка! – крикнул один из музыкантов, когда Кэт проходила мимо.

Кэт сделала большие глаза. Она столько лет тут прожила, а все еще оставалась «англичанкой» – и это притом, что по-французски говорила лучше прочих. В Париже парижанин не вопил направо и налево о том, что он француз. Это было бы *outré*¹⁷. И все же сквозило здесь нечто такое, особая утонченность, отношение к жизни... Кэт утешила себя тем, что теперь ее и за француженку принимали. Она была стройной – стройной по-французски, а не за счет особых стараний: просто она не так много ела. Ее темно-серые глаза прятались под сдобренными муссом для волос прядями густой черно-каштановой гривы. Из дорогих вещей на ней были только ярко-красные «балетки» от «Ланвин», которые купил Оливер в ту пору, когда у них все было хорошо. Несколько месяцев назад Кэт пыталась продать их на eBay, потому что отчаянно были нужны деньги. Ведь глупо носить обувь за триста фунтов, когда тебе на сэндвич денег не хватает. Но на одной туфельке имелось пятно от оливкового масла – напоминание о происшествии с Люком, и покупательница отказалась брать «балетки», когда Кэт по-честному показала ей пятнышко. И Кэт была рада, что туфли остались у нее, потому что они были красивые – блестящие, кораллово-красные. Она и не думала, что обувь способна приносить такую радость. Как все настоящие модницы, даже бывшие, Кэт презирала культ лейблов. «*Вот, посмотри, у меня на солнечных очках крупными буквами написано «GUCCI», а значит, у меня водятся денежки*». И все-таки стоило ей глянуть на свои красивые красные туфельки, и она не могла удержаться от улыбки, даже когда день был особенно паршивым, а улыбка вымученной. Это удивляло и утешало Кэт – убедиться, что она еще умеет испытывать радость. Хотя думала, что эта способность у нее напрочь растоптана.

Кэт быстро шагала по главной улице острова Сен-Луи. Ее гибкая фигурка ловко лавировала в перемещающейся по улице толпе туристов, глазающих на витрины *boulangerie*¹⁸ и *fromagerie*¹⁹. Кэт видела очередь у дверей «Berthillon» – знаменитого *glacerie*²⁰, где стояли сверкающие мраморные столики. Кэт любила «Berthillon». Она понимала, что ходить туда – это абсолютно и бесповоротно по-туристически, но порой, когда ей невыносимо хотелось полакомиться, когда над двумя островами сгущался туман и Кэт становилось особенно тоскливо, в обеденный перерыв она перебежала через мост и заказывала крошечную чашечку расплавлен-

¹⁶ Песня Ричарда Роджерса и Лоренца Харта, сочиненная в 1936 году. Среди исполнителей – Элла Фитцджеральд, Фрэнк Синатра, Джозефина Бейкер.

¹⁷ Экстравагантно (*фр.*).

¹⁸ Булочных.

¹⁹ Сырных магазинов.

²⁰ Кафе-мороженого.

ного горького шоколада, которую подавали с желтыми сливками в маленьком сливочнике из полированного серебра. Увы, финансы не позволяли делать это часто, и уже больше года Кэт сюда не ходила – с тех пор, как перестала получать деньги от Оливье.

Она зашла в продуктовый магазин за углом дома, где жила, чтобы купить вермут. Вермут был умопомрачительно дорогой – но на острове Сен-Луи все было умопомрачительно дорогое, и к тому же Кэт покупала вермут не для себя, а для мадам Пулен. «На хорошее денег жалеть нельзя» – таков был девиз мадам Пулен, хотя она тщательнейшим образом пересчитывала все деньги, что давала Кэт, да и ничем с ней не делилась. Это было определено четко и ясно. За покупками для себя Кэт ходила в «Lidi» или «Fraprix»²¹. Ожидая, когда продавец принесет ей бутылку, Кэт улыбнулась, глядя на ряды баночек с дижонской горчицей. Вот что делало Париж цивилизованным, несмотря на многое, что в нем могло раздражать. В маленьком продуктовом магазинчике можно было обнаружить пять разных сортов дижонской горчицы. *Moutarde de Dijon, mais bien sùr*²².

– Bonsoir, Madame.

– Ah, bonsoir, Catherine. Ça va?

– Ça va bien, merci, Madame. J'ai prix le vermouth. Je vous offre un verre?

– Oui, oui²³.

Старушка, сидевшая в кресле-качалке, громко захохотала. Кэт торопливо поставила завернутую в бумагу бутылку на огромный старинный буфет. Если она сразу задаст вопрос, который ей отчаянно хотелось задать, мадам Пулен рассердится. А если подождать минутку, она будет довольна.

Кэт сделала вдох, взяла с полочки стакан и проговорила:

– Ваше лекарство, мадам, – я его заберу в аптеке завтра, хорошо?

– Конечно. – Мадам Пулен загасила сигарету. – Только на этот раз пусть все тщательно проверят. От неверной дозировки мне делается дурно. Просто совсем дурно. Дозировка должна быть правильная. – Она закурила новую сигарету. – Можешь налить мне вермута, пока ты снова не умчалась? Разумеется, я понимаю, ты *жутко* занята, но все-таки...

– Конечно, – отозвалась Кэт, стараясь не улыбнуться. Когда она впервые вошла в квартиру мадам Пулен с видом на Сену и дальше на юг, на Латинский квартал, она была потрясена простором комнат, деревянными стропилами, старыми ставнями с резными железными ручками, чугунной решеткой балкона. А теперь на туалетном столике красного дерева (из Виши, приобретенном при таинственных обстоятельствах отцом мадам Пулен, трусом и предателем, о котором она если и говорила, то потом обязательно сплевывала в пепельницу) лежали только сигареты с ментолом, стояла пепельница и бутылка с сиропом от кашля. Собственно, эти предметы, как часто отмечала Кэт, в большой степени характеризовали ее квартирную хозяйку.

– Много покупателей было сегодня? – Мадам Пулен потянулась в кресле-качалке, сжала и разжала крючковатые пальцы длинных рук.

– На рынке народа было много. А у нас не сказать. Анри озабочен.

– Еще бы ему не быть озабоченным. Теперь, когда всем заправляет этот тупица, мы обречены. Не думала, что увижу, как погибает социализм. Когда я была маленькая, мы бы такого человека назвали фашистом. Ха!

²¹ Недорогие сетевые супермаркеты.

²² Дижонская горчица, конечно.

²³ Добрый вечер, мадам. – А, добрый вечер, Катрин. Как поживаешь? – Хорошо, спасибо, мадам. Я купила вермут. Налить вам стакан? – Да, да (*фр.*).

Мадам Пулен погрузилась в приступ кашля. Кэт принесла ей стакан воды, а в другой стакан налила вермут, то и дело взволнованно прислушиваясь к другим признакам жизни в квартире. Но, увы, ничего не услышала.

Постепенно кашель утих. Мадам Пулен оттолкнула стакан воды и потянулась за вермутом. Кэт дала ей таблетки, и старушка приняла их, одну за другой, вздыхая перед каждой, а после каждой удушливо кашляя. Так происходило каждый вечер последние три года. Оливье пару раз видел мадам Пулен и терпеть ее не мог. Он говорил, что все это притворство, что она придуривается. Еще говорил, что мадам Пулен и ее родня были коллаборационистами. Откуда ему это известно, Кэт понятия не имела, но самую большую *bête noire*²⁴ Оливье питал к притворщикам.

Не думай об Оливье. Один... два... три... Желая отвлечься, Кэт обвела взглядом комнату и стала считать предметы. Теперь она знала, что делать. Когда в ее мысли вторгался Оливье, а это случалось слишком часто, она начинала вращать карусель из разных предметов, иначе просто сошла бы с ума и так рассвирепела, что от злости что-нибудь разбила бы. Она подумала о Винтерфолде. Вспомнила Рождество, когда они с Люси слепили снеговика и нацепили ему на голову пластиковое ведро, к которому прилип песок с пляжа, где они резвились прошлым летом в Дорсете. Вспомнила прогулку до деревни в осенний день, когда листья были желтые, как айва. Вспомнила дядю Билла с корзиной для бумаг на голове, пытающегося пройти от одной стены гостиной до другой. Вспомнила, как сидела на кровати в своей уютной солнечной комнате летом по утрам и смотрела в окно, как взбирается по холмам за домом персиковый, фиолетовый, бирюзовый рассвет. Вспомнила лоскутную подушку, которую для нее сделала бабушка, – с ее именем на синих шестиугольниках. Вспомнила, как злилась Люси, потому что ей такой подушки не досталось. «Она тут живет, и у нее все есть!» – кричала Люси. Она была на три года младше Кэт. Порой эта разница в возрасте казалась пропастью. «А теперь, наверное, мы бы ее и не заметили», – подумала Кэт.

Она очень многого не знала. Какая теперь Люси – такая же? – часто гадала Кэт. Она хотела стать знаменитой писательницей и жить в замке. Только об этом всегда и мечтала. Болит ли все еще нога у Левши? Поет ли бабушка весь день напролет? По-прежнему ли мимолетно улыбается, если поправить ее, когда она путает слова? Цела ли та лоскутная подушка?

Кэт видела все это удивительно ясно. Помнила каждую скрипучую ступеньку, каждую вмятину на любом деревянном столбе, каждую старую потрепанную книжку на полке напротив кресла: «Балетные туфельки»²⁵ рядом с «Шпионкой Гарриет»²⁶ и «Историей Трейси Бикер»²⁷. Последнюю подарил отец, хотя для этой книги Кэт была уже слишком взрослая.

Она их всех словно бы отрезала от себя, а теперь не могла вернуться. Год за годом она чувствовала это все сильнее – и менялась. Она стала другой Кэт – такой, какой втайне всегда боялась стать. И неизменно вздрагивала, когда хлопала дверь.

– Как Люк? – наконец спросила она, когда мадам Пулен перестала кашлять.

– Спит. Свернулся клубочком где-нибудь в теплом местечке. Ты его портишь. Говорят, что англичане балуют домашних питомцев, а на детей внимания не обращают. Он твой питомец, м-м-м?

Поскольку мадам Пулен, похоже, кормила Люка одними бисквитами, Кэт не хотела начинать разговор на эту тему. Она не могла рисковать – ни затевать спор, ни каким бы то ни было

²⁴ Самое ненавистное, предмет особой ненависти (*фр.*).

²⁵ Книга для детей Ноэль Стритфилд, написанная в 1936 году.

²⁶ Книга для детей Луис Фитцью, написанная в 1964 году.

²⁷ Книга для детей Жаклин Уилсон, написанная в 1991 году.

образом менять статус-кво. День клонился к вечеру, и она так устала, что едва на ногах держалась.

Кэт потерла пальцами щеки. Лицо у нее немного обгорело на солнце, и ей вдруг нестерпимо захотелось, чтобы пришла зима. Чтобы настали морозные ясные дни и уютные вечера, а не эта высушенная, напряженная жара.

– Пойду посмотрю на него. А потом приготовлю вам омлет, да?

– Ну... – Для мадам Пулен проявление заботы о другом живом существе было тратой времени, которое можно посвятить сигарете. – Что ж, ступай... О, пока ты не ушла. Твоя бабушка звонила.

Кэт замерла. Сердце забилося часто и громко.

– Бабуля звонила? Сюда? Объяснила, в чем дело?

– Она хочет понять, почему ты не ответила на приглашение.

Кэт кашлянула.

– Я не... какое приглашение?

– Вот и я ей так сказала. Французская почта. Этот тип угробит страну. Я не...

– Мадам Пулен, пожалуйста. – Сдерживаемое отчаяние Кэт наконец прорвалось наружу.

– Сегодня принесли. Я твоей бабушке так и сказала, когда она позвонила. И еще я ей сказала, что отдам тебе приглашение, как только ты вернешься домой. – Мадам Пулен провела костлявой рукой по подлокотнику кресла-качалки. Вид у нее был как у ребенка, скрывающего тайну. – А они не знают, м-м? Не знают про твою маленькую ложь, да?

Она протянула Кэт кремовый конверт, а та сжала его в руке осторожно, как нечто волшебное.

– Не ложь... – еле слышно произнесла Кэт. Адрес, написанный знакомым, изящным почерком Марты.

Когда что-то просто скрываешь, это ведь не ложь?

Ее почерк Кэт знала лучше, чем чей бы то ни было. Кто еще писал ей бесконечные истории, снабженные чудесными крошечными иллюстрациями? Кто засовывал в контейнер для ланча записки, которые Кэт потом читала, усевшись рядом с обшарпанными и скользкими скамейками на спортивной площадке и уткнув подбородок в разбитые коленки?

По утрам бабушка, бывало, сидела в кухне рядом с заварным чайником – стройная, подтянутая, неподвижная. Она смотрела за окно, на сад, строила планы на предстоящий день и записывала разные маленькие идеи, замыслы и шуточки в блокнот. И конечно, писала записки. Эти записки Кэт потом находила рядом с сэндвичами, поспешно комкала и выбрасывала, боясь, что их прочтут одноклассницы.

Бабуся пишет тебе любовные записочки? Ой-ой-ой, пусеньки-маляпусеньки. А мамочка твоя хиппи, это всем известно. Она из дома смылась, потому ты у бабки и живешь! Хиппи, хиппи, хиппи! Кэти хиппи!

Нахлынули давно похороненные воспоминания...

Бумага конверта была плотной, тяжелой и холодной. У Кэт дрожали пальцы. Она с трудом расклеила конверт. Ей хотелось порвать его, поскорее узнать, что там, внутри. И все же она этого боялась. Мадам Пулен наблюдала за ней, выставив голову за спинку кресла, отчего стала похожей на горгулью.

– Нож для бумаг лежит на туалетном столике, Катрин. Не рви конверт. Не делай глупостей.

«О, заткнись, ненавистная, жуткая, кошмарная, злобная, мерзкая старуха. Заткнись, или я стукну тебя. Разможжу тебе бабку твоей драгоценной северской вазой и буду смотреть, как ты подымаешь. Буду смотреть и смеяться».

Она уже не удивлялась тому, как легко ей в голову приходят подобные мысли.

Кэт прочла приглашение, написанное от руки, и ощутила вложенную в эти слова мольбу. А когда оторвала взгляд от листка бумаги, уставилась в одну точку, и голоса, терзавшие ее от рассвета до заката, зазвучали с мучительной пронзительностью. Домой, в Винтерфолд? Могла ли она теперь хотя бы подумать об этом? Как рассказать им о том, что случилось с ней после отъезда из Англии? С чего начать? Да и как она туда доберется? Денег у нее нет. На прошлой неделе не удалось купить билет на несколько поездов на метро, что уж говорить о поездке домой на «Евростар». *Домой.*

Кэт уронила листок на пол и начала нервно сжимать одну руку в другой.

– Я с удовольствием съем омлет, – сообщила мадам Пулен. – Если ты не собираешься проведать Люка, почему бы тебе не приготовить мне омлет?

– Да, сейчас.

«Все в порядке», – сказала Кэт себе мысленно, отправившись в кухню, а когда услышала вопросительное мычание мадам Пулен, осознала, что произнесла это вслух по-английски.

Люси

– Люси! Собрание! Ты идешь? – бросила Дебора через плечо на ходу.

Негромкий голос, внезапно прозвучавший так близко, произвел на Люси обычное действие: ее пробрало холодом до костей.

– Конечно, конечно. Минутку.

Люси торопливо написала строчку в блокноте и выскочила из-за письменного стола. *«Не потеть. Не говорить слишком много. Ты всегда слишком много говоришь, поэтому просто заткнись и хотя бы раз промолчи! Говори, только когда будет совершенно необходимо. И уж тогда говори по делу и блестяще. Как Кэтрин Грэхем. Или Нэнси Милфорд. Или бабуля. Будь как бабуля»*. Поспешно зашагав вперед, Люси налетела на Лару, недавно повышенную в должности корреспондентку из отдела моды. Столкновение вышло неслабым: Люси отбросило назад, к столу, и она ударилась бедром об острый угол металлического шкафа с папками.

– Ох, пожалуйста, осторожнее, Люси. – Лара даже с шага не сбилась – просто пошла дальше с таким видом, будто коридор был ее собственной беговой дорожкой. Шагала она забавно – слегка враскачку, словно модель на подиуме. Обернувшись влоборота, она указала вниз. – Они новые, понимаешь? А ведь я могла бы нести кофе.

Люси, морщась от боли, проводила взглядом удаляющиеся ноги Лары – ведь Лара именно этого хотела. Ну конечно же, на Ларе были «хайтопы» – кроссовки с высоким берцем, эксклюзивная модель, представленная «Grazia»²⁸ исключительно для «Liberty»²⁹. Ну, ясное дело. Все теперь носили хайтопы. Люси не хотела такие носить, но, похоже, придется. А вдруг придумают кроссовки на шпильках? Какой в этом смысл? Никакого. Все равно что натянуть колготки на жирафа. Однако, проработав год в редакционном отделе, Люси знала, чего можно ожидать от моды. Мужчинам вообще ничего не нужно было делать – вполне достаточно носить паршивый костюм, а вот женщинам приходилось истово следовать всем новым трендам. Допустим, ты сроду не слышала о креме «BB»³⁰, а им вдруг оказывались забиты все полки, и если ты им не пользовалась, то с таким же успехом могла бы открыто заявить: «Я себя терпеть не могу, я лузер».

Люси встревоженно опустила глаза и глянула на свой короткий блейзер. Может, короткие блейзеры уже успели выйти из моды? Ей подскажут? Или ее схватят за руку, оттащат в сторону, заставят снять пиджачок и сожгут его в бочке, вокруг которой будут стоять кольцом злобные, скалящиеся копы из полиции моды?..

– Люси!

– Иду! Прости, Дебора!

Люси припустила трусцой по коридору, не обращая внимания на колющую боль в ноге. Чудесная погода – ясный ветреный день, пушистые облака над разбушевавшейся Темзой. Вот бы оказаться под открытым небом – может быть, погулять в парке на Набережной Королевы Виктории. Посмотреть на дроздов, клюющих что-то на земле. Наверное, в Винтерфолде листва начала менять цвет. Сначала листья на деревьях вдоль аллеи становились бледно-зелеными, и эта перемена была едва заметна. Потом листья становились горчично-желтыми, а через несколько недель – огненно-оранжевыми, перечно-красными, жарко-розовыми.

Люси вбежала в комнату, где проходило собрание, и села. Платье с принтом-батиком, купленное в интернет-магазине, было ей маловато и, когда она садилась, натягивалось и вре-

²⁸ Итальянский дом моды.

²⁹ Индийская компания – производитель дорогой кожаной обуви.

³⁰ Тональный крем. «BB» – это сокращение от Blemish Base, Blemish Balm или Beauty Balm Cream. В переводе означает «крем против несовершенств».

залось в ноги выше колен. Люси все ее вещи были слегка маловаты. Она сидела, опустив глаза, смотрела на ноги, покрытые пупырышками гусиной кожи, и думала, не уехать ли на выходные к бабуле.

Конверт с приглашением лежал в кармане блейзера, колот жестким краешком. Люси всегда казалось, что она в курсе планов бабушки, но приглашение застигло ее врасплох. Утром Люси сразу позвонила отцу, чтобы выудить у него подробности, однако толку от него не было никакого. Интересно, а Флоренс и Кэт приедут на этот загадочный праздник? А Дейзи?

Дебора кашлянула.

– Так. Все здесь? – Она обвела взглядом комнату, задержала взгляд на Люси и отвела глаза. – О, Бетти. Мне нравится твой шарфик. От Стеллы Маккартни?

– Да. Хорошенький, правда? Интересная палитра.

Остальные согласно заворковали. Люси с опозданием присоединилась к общему хору:

– Миленький.

Ровно год назад Люси поступила на работу в «Daily News» в должности ассистента редактора в отдел светских новостей. Предыдущий день, воскресенье, она провалялась в постели, размышляя о своих финансах – вернее, об их отсутствии. Денег едва хватало, чтобы платить за квартиру, что уж говорить о шарфиках от Стеллы Маккартни... Как же другие девушки могли позволять себе такие модные штучки – сумки от Марка Джейкобса, сандалии от Кристиана Лабутена, солнечные очки «Ray Ban»? В попытке следовать моде Люси в прошлом месяце купила темные очки с названием «Rey Sans» по сниженной цене на Лестер-сквер и торжественно явилась в них на работу. И что? Дебора упрекнула ее за содействие модному пиратству.

– Оттенок цвета замечательный, Бетти. Очень эффектно смотрится. Ладно, давайте начнем.

Дебора положила ногу на ногу, при этом смахнув воображаемую соринку с длинной тонкой лодыжки. Люси поняла: Дебора это сделала потому, что заметила хайтопы Лары и просто обязана была ей показать, что сама она хайтопы недолюбливает (в этом Люси с ней была солидарна) и предпочитает им «шпильки». В данном случае это были туфли от Джимми Чу из голографической кожи, с каблуками высотой в три дюйма.

– Собрание посвящено идеям. На прошлой неделе с этим у нас было паршиво, мы практически не предложили ничего такого, что могли бы использовать. – Она говорила монотонно и негромко, и Люси, как обычно, пришлось немного наклониться к столу, чтобы слышать начальницу. – Очень надеюсь, что все вы на этой неделе в лучшей форме. В «Stylist» опубликован грандиозный материал о трендах осеннего сезона, а что у нас?

– Как насчет блокировки цветов? – спросила Бетти. – Сейчас жутко модно. Я видела потрясающие фотографии Гвинет Пэлтроу во время школьного кросса.

– Отлично. Люси, запиши.

– Зимние пальто, – сказала Сьюзи, приглашенный редактор. – Есть несколько серьезных анонсов от...

– Нет, это все уже выработано до последней капли. Поздновато.

Дебора медленно провела пальцами по блестящим, тонким, взбитым в кок волосам. Лицо Сьюзи окаменело, губы сложились в маленькую букву «о».

– Что еще?

– Брови, – предложила Лара, а Сьюзи принялась что-то с сердитым видом набирать на клавиатуре своего «BlackBerry». – Теперь в моде густые, верно? Мы могли бы составить инструкцию, как правильно создавать густые брови. Ну, то есть... косметические средства для бровей от Кары Делевинь. «Густые брови возвращаются». Лорен Хаттон. Брук Шилдс.

– Неплохо. – Дебора быстро хлопнула в ладоши. – Что еще?

Все немного расслабились и загомонили.

– Горячие туристические точки на 2013 год. Будет очень популярен Иран.

- Шерри возвращается.
- В будущем году гвоздь кулинарии – цыплята на гриле.
- Подтяжка ягодиц.
- Ювелирные украшения для ног.

Люси все записывала. Слова были разные, но идеи каждую неделю одинаковые. По ее мнению, это было не креативное собрание, а упражнение в беспорядочном построении фраз. Часто ей казалось, что она запросто могла бы встать и заявить: «В 2013 году будет запущено массовое производство сабо с подошвами из окаменевших костей динозавров», и все эти одинаковые платиново-бриллиантовые блондинки, чьи женихи гребут денежки лопатой, дружно станут кивать, а потом жутко испугаются – как же это они ничего не слышали про подошвы из костей динозавров.

– Ну что ж, кое-что есть. – Дебора отвела руку от клавиатуры телефона. – Всем спасибо. Теперь по поводу новых материалов. Кто-нибудь подготовил...

– У меня есть кое-какие идеи, – раздался голос Люси, слишком громкий, слишком высокий. Слова поплыли по кругу и повисли в воздухе. – То есть... прости, Дебора, я тебя прервала.

– Да, конечно. – Дебора поджала губы и наклонилась к столу с таким видом, словно собралась поделиться с присутствующими личной тайной. – Девочки, – промурлыкала она, – сегодня ровно год, как Люси пришла к нам в отдел. На прошлой неделе мы с ней говорили, и она упомянула о том, что у нее есть кое-какие соображения. Верно, Люси?

На самом деле разговор этот Дебора передала не совсем точно. Начался он с того, что Люси попросила о повышении либо хотя бы о прибавке к зарплате, а закончился заявлением Деборы, что, откровенно говоря, она не видит для Люси будущего в журналистике.

Люси привыкла к печальному чувству ненужности и отчужденности, определяющему жизнь в офисе, к постепенному угасанию надежд и мечтаний. Она была официанткой, навальщицей конвертов, секретарем-референтом, стажером и младшим репортером в «Bristol Post», а потом ее сократили, и вот теперь она работала здесь и считала, что ей очень, очень повезло.

Работу ей предложил Левша. Он до сих пор рисовал по комиксу в месяц для «Daily News». На первой странице газеты появлялась большущая синяя розетка с надписью большими золотыми буквами: «В номере – новый Уилбур!», и тогда количество проданных экземпляров возрастало как минимум до десяти тысяч. Люси дважды побывала на собеседовании, отправляла резюме, встречалась с четырьмя разными людьми, и все же ее не покидало смутное подозрение, что на работу взяли внучку Дэвида Винтера. Если не считать деда, она никак не была связана с разными важными вещами и существовала совершенно отдельно от странного мира модного Лондона, где люди жили как бы совсем в другой плоскости и мыслили по-особому, на манер сайентологии. Они знали про всплывающие окна, новые вкусы коктейля «Маргарита» и YOLO³¹, а Люси перечитывала книги Фрэнсис Ходжсон Бёрнетт³² и выбиралась на долгие экскурсии в такие исторические дома, как Чарлстон-хаус, Чатсуорт-хаус и Хайклер-хаус³³. Вдобавок – и это самое кошмарное – у нее был десятый размер. То есть для всех на работе она толстуха.

Люси открыла блокнот и начала, стараясь говорить как можно более непринужденно:

– Предлагаю юмористическую статью о том, как обзавестись большим количеством подписчиков в Твиттере. Когда я публикую что-нибудь по поводу кампании «Нет третьей стра-

³¹ Эта аббревиатура означает «You only live once».

³² Знаменитая английская писательница, создательница книг для детей.

³³ Исторические поместья в Великобритании.

нице»³⁴, на это никто не обращает внимания. А стоило опубликовать фотографию собаки, высоко подпрыгивающей на пляже, и у меня сразу появилось тридцать новых подписчиков.

– Идея неплохая, Люси. К сожалению, нечто похожее мы уже публиковали в августе. Ты, видимо, тогда была в отпуске.

Последовала пауза. Кто-то тактично кашлянул.

– Или... «Горячие десятки». «Горячая десятка» советов, как выжить, когда тебя бросили.

Кто-то прыснул от смеха. Люси почувствовала, что у нее начинает краснеть кожа на ключицах. Раздражение поползло вверх по шее, кожу защипало.

– В прошлом году меня бросили. Как это пережить. Потому что «Обещать – не значит жениться» – отличная книга. – Люси помедлила, чувствуя, как красные пятна все выше взбираются по шее. – Мне ее дала моя мачеха, и я думала, что я эту книгу возненавижу, а она оказалась прекрасная.

Люси была уверена, что те несколько недель после того, как она узнала о том, что Том изменяет ей с Амелией (о чем знали все до единого, кроме нее самой), привьют ей рефлексивный страх перед новым домом отца. Она ездила туда каждые выходные, лежала на кровати и плакала, пока не начинала походить на зомби – лицо жутко распухало от слез, а нервы отказывали до такой степени, что не удавалось поддержать простейший разговор. Она то начинала фразу и замолкала на середине, то пялилась в одну точку и лила слезы. В очередную субботу Карен оставила под дверью ее спальни книгу с запиской: «*Надеюсь, это поможет*». Вообще, когда мачеха пыталась сделать доброе дело, получалось почему-то с подвохом.

Дебора ледяным тоном произнесла:

– Нет, не сейчас. Что-нибудь еще?

Бетти нервно рассмеялась – отчасти сочувственно. Остальные наблюдали за шоу с холодными улыбками.

Люси глубоко вдохнула и посмотрела на список в блокноте.

Подписчики в Твиттере. Роковое число 267 – большинство людей имеет не больше 267 подписчиков.

Когда тебя бросили. Большая статья о том, как перестроить свою жизнь и найти в ней позитив.

Брови. Почему в бровях всегда найдется один по-настоящему длинный волосок, которого ты не заметила?

А ниже:

Утреннее приглашение. Написать о нашей семье? Что-нибудь про Левшу?

– Да, вот еще... Брови. – Люси подняла голову. – Вы никогда не замечали, что один волосок на правой или на левой брови длинный, почти дюйм длиной, и он вдруг завивается и торчит совсем как... волосы на лобке?

В наступившей тишине Люси услышала шум кондиционеров и жужжание жесткого диска в ноутбуке кого-то из сотрудниц.

– Не думаю, что... – проговорила Дебора. – Ладно, проехали. Мы ищем материал помощнее. Ок, спасибо, Люси. Больше ничего?

Словно хозяйка зоомагазина, решительно накрывающая одеялом клетку с кричащим попугаем, Дебора повернулась к остальным подчиненным, и собрание продолжилось.

³⁴ Кампания 2012 года по сбору подписей, имевшая своей целью убедить владельцев и издателей газеты «Sun» перестать публиковать на третьей странице фотографии обнаженных моделей.

Вернувшись на рабочее место, Люси вырвала страницу из блокнота. Посмотрела на нее и сердито швырнула в корзинку для бумаг. Строчка «*Статья о нашей семье*» жгла ее глаза. Она стала думать о том, как вечером вернется в свою холодную и сырую квартиру, вытащит из сумки открытку из толстой кремовой бумаги и поставит ее на письменный стол в спальне. Вновь увидит слова, написанные красивым четким почерком бабушки: «*Важное объявление*». Что это значит? Что там происходило?

У Люси заныло сердце – как всегда, когда она думала о Винтерфолде. Это был ее дом, хотя она не жила там постоянно; ее ахиллесова пята. «Daily News» еженедельно публиковал псевдопсихологические статьи о релаксации: «Отправьтесь в свое счастливое место». И Люси всегда отправлялась в Винтерфолд. Она гадала, скоро ли воздух начнет пахнуть осенью. Тогда там набухали ягоды терна на кустах у реки, и в октябре их уже можно было собирать, и приходили первые заморозки, и всходила Охотничья Луна³⁵.

Когда ее родители разошлись и продали безалаберную, захламленную виллу в Редленде – районе Бристоля, где выросла Люси, – ее это не слишком огорчило. Кэт переживала из-за Дейзи, своей мамы, или переживала из-за какой-то противной девчонки в школе (Кэт вообще очень много переживала), а Люси, которая была младше, являла собой воплощение здравого смысла. Когда у ее отца настали тяжелые времена и Люси на несколько месяцев после университета переехала жить к нему, она то держала его за руку, то помогала красить стены в бывшем приюте – маленьком доме, который он купил в деревне, или слушала, как он рассказывает о своих родителях, или смотрела вместе с ним «Крестного отца» по кабельному каналу. В Винтерфолде ей было хорошо. Только там она чувствовала себя по-настоящему в безопасности и была счастлива.

Люси пробормотала что-то себе под нос, встала и подошла к угловому кабинету. Постучала в дверь.

– Да? – Дебора посмотрела на нее. – О, Люси. Слушаю тебя.

– Можно мне кое-что сказать?

– *Еще* кое-что?

Дебора потянула вниз кончик кисточки длинной золотой сережки.

Люси провела рукой по коротким непослушным кудряшкам.

– Да. Прошу прощения за то, что наговорила раньше. Но у меня есть идея, и она лучше всего того, что я предлагала на собрании. Ты мне посоветовала мыслить масштабно.

– Надеюсь, речь не о диетах?

В прошлом месяце Люси написала статью под названием «Миф о диетах: почему 85 % веса, потерянного на диете, возвращается через шесть месяцев». Дебора тогда чуть не поперхнулась своим соевым латте. «Господи Иисусе, если бы люди знали, что это правда, половина читателей нашей рекламы попросту испарилась бы. Ты с ума сошла? Женщинам нравится читать о диетах, понимаешь?»

Ощущая холодный осуждающий взгляд Деборы, Люси втянула живот.

– Нет, не о диетах. Понимаешь, в будущем году откроется выставка работ Лев... моего деда. И мне хотелось бы написать статью о нашей семье. Думаю... могло бы получиться интересно.

Дебора не то чтобы мгновенно заинтересовалась, но она, во всяком случае, перестала смотреть за плечо Люси.

– И что за статья?

– Ну... Как это было – расти рядом с моим дедом. – Люси хотелось верить, что она не покраснела. – Какой он чудесный. О нашей семье. О доме. Ты же знаешь, что они живут в прекрасном доме, и...

³⁵ Октябрьское полнолуние.

– Про дом я знаю, – прервала ее Дебора. – Так. Понадобятся фотографии. Идея хорошая, Люси. Теплые воспоминания. «В то время, как наш любимый картунист отмечает такую-то годовщину творческой деятельности выставкой работ, показывающих наш город в годы войны, ассистент редактора отдела развлечений «Daily News» рассказывает нам о жизни с дедом, создающим самую любимую страницу комиксов в стране». – Она кивнула. – Мне нравится. Обо всем семействе? Есть какие-то «скелеты в шкафу», про которые мне следует знать?

– Моя мать – ботаник, она живет в Стоукс-Крофт, в Бристоле, ее зовут Клер, – сильно поблбднв, пробормотала Люси. – Так что... Вряд ли.

Дебора рассмеялась.

– Я имею в виду семью твоего деда.

– А, понятно. Моя тетя Дейзи... ну, наверное, тут нет никакой особой тайны.

– А что с твоей тетей Дейзи?

Голос Деборы прозвучал почти легкомысленно.

– Гм-м-м... Я не могу понять, серьезно это или нет. Но мне всегда казалось довольно странным... – Люси вдруг стало не по себе. Имела ли она право говорить об этом? Впрочем, отступить поздно. – Моя тетя пропала... не то двадцать, не то тридцать лет назад. Испарилась. Оставила ребенка у моих бабушки и дедушки, когда девочке было всего пять недель, и уехала.

– Что ты имеешь в виду – пропала? Умерла?

– Нет. В смысле... Она жива. Моя бабушка время от времени получает от нее мейлы.

– Если твоя бабушка получает от нее мейлы, куда же подевалась твоя тетя?

В голосе Деборы прозвучали нотки нетерпения. Типа «*Что же это за семейка, где мать не знает, где обретается ее дочь?*»

Люси хотела объяснить, но поскольку толком сама не понимала, что к чему, то и начальнице растолковать было трудновато.

– Думаю, она... довольно непростой человек.

Как-то раз, когда ей, девочке-подростку, не разрешили пойти на вечеринку к Кейти Эллис, она раскапризничалась, и отец закричал: «Боже, Люси, только не веди себя, как Дейзи!», словно хуже Дейзи себя вести было невозможно. А Люси видела Дейзи всего четыре раза в жизни.

– Она очень крутая. Ну, то есть... В общем, она рано забеременела, и, наверное, это стало для нее большим стрессом? – Чуть ли не умоляя Дебору согласиться, Люси развела руки в стороны. Она лихорадочно обшаривала мозг в поисках подходящих слов. – Мы об этом не говорим... Ну, знаешь, как бывает в семье – происходят странные вещи, а люди ведут себя так, словно ничего особенного и нет. Понимаешь, о чем я?

Она понуро опустила плечи. Конечно же, Дебора ничего не понимала.

А Дебора сказала:

– О, мне объяснять не надо. Моя мать не знала, кто ее отец. Выросла, веря, что он умер. Ну вот, как-то раз вечером мой мать с отцом сидят дома – а я в то время уже училась в университете, – и тут стук в дверь. Входит мужчина и объявляет: «Здравствуй, я твой отец, я тебя десять лет разыскивал».

– Что? – Люси вытаращила глаза.

Проработав здесь год, она ничего не знала о Деборе – кроме того, что та из Доркинга, хотя сама говорит, что родилась «в окрестностях Гилдфорда». И еще как-то раз Дебора попросила Люси заказать для нее «Пятьдесят оттенков серого» – весьма эротическую штучку. Дебора решила прихватить фильм с собой, собираясь летом в отпуск.

– О господи, – выдохнула Люси. – А что потом?

Дебора покачала головой и закинула ногу на ногу, словно пожалев, что разоткровенничалась.

– Не имеет значения. Я просто хотела сказать, что согласна с тобой – в том смысле, что в семьях всегда много странного. Продолжай. И что же случилось с... как ее зовут, твою тетю? Ее убили?

– Нет. Дейзи. Она убежала в Индию и стала там работать в школе, а мои бабушка с дедушкой вырастили ее ребенка – Кэт, мою двоюродную сестру. Собственно, это почти все. Дейзи осталась в Индии и до сих пор там живет, даже помогала строить школу, за что, кажется, получила какую-то награду. Домой она приезжала четыре или пять раз. Как правило – просить денег.

Люси нахмурилась, вспомнив худенькую, загорелую тетю, красивую и экзотичную и при этом гармонирующую со стариной и безопасностью Винтерфолда. Дейзи приехала на неожиданную свадьбу отца Люси с Карен. Свадьбу устроили настолько поспешно, что Люси мрачно ждала скорого известия о беременности мачехи, но оно не воспоследовало. Все ужасно удивились приезду Дейзи – это Люси запомнила. Впечатление она производила странное. В Винтерфолде она присутствовала как бы наполовину: вроде бы очень хотела влиться в семью, однако всегда была готова уехать. У нее был серебряный слоник, которого она всегда носила в кармане. И большие зеленые глаза – слишком большие для ее худого лица. Люси вообще никогда не встречала более худощавых людей. Дейзи явно не имела понятия о том, сколько лет Люси, и постоянно спрашивала у нее, читала ли она «Знаменитую пятерку»³⁶, да еще и разговаривала с ней, сюсюкая. За день до свадьбы Дейзи поссорилась с отцом Люси из-за денег. И еще она что-то сказала Кэт. Что именно – этого Люси так и не узнала, но Кэт потом безузвешно рыдала у себя в комнате, обнимая свою старую подушку, и с тех пор почти не возвращалась, а Люси по ней очень скучала, хотя Кэт стала холодной и далекой.

– Дейзи обычно ссорится с моим отцом или бабушкой и дедушкой, – закончила рассказ Люси. – Она уезжает и говорит, что больше никогда не вернется.

– Значит, она оборвала с вами все контакты?

– Не совсем. – Люси не хотелось преувеличивать. – С моим отцом она, пожалуй, никогда не была близка. И с Фло, моей второй тетей. Зато бабушке она все еще шлет мейлы. Это странно, потому что... в остальном мы всегда были счастливой семьей. А она словно бы из другого мира пришла.

И тут Люси почувствовала, что когда-то они действительно были счастливой семьей. Когда-то. Не теперь. Все изменилось, все они стали печальнее, и объяснить этого она не могла.

Дедора прижала руки к щекам.

– Что ж, ты права, это интересно. Статья о том, как ты выросла с дедом, милый дом... а потом вот это все про Дейзи. Очень сочно. Да. Полагаю, твой дед не станет возражать?

Она стала похожа на кошку, готовящуюся броситься на мышшь.

Люси осторожно проговорила:

– Я не уверена, что обо всем этом стоит писать.

– Почему нет? Люси, не противоречь себе.

– Я действительно думала о материале, посвященном нашей семье – какие мы веселые, что мы любим. Как Левша рисует для нас маленькие картинки... Ну, ты понимаешь.

У Дедоры покраснели крылья носа.

– Послушай... – Люси постаралась говорить решительно. – Мой дед не любит, когда люди копаются в его прошлом. Он даже отказался дать интервью насчет своей предстоящей выставки человеку из «Bath Chronicle». Вряд ли он захочет, чтобы ты опубликовала статью о... Дейзи и всем прочем.

В голосе Дедоры появились медовые нотки.

³⁶ Серия книг для детей английской писательницы Энид Блайтон.

– Конечно, конечно. Люси, послушай, вовсе не обязательно вкладывать в эту статью излишнюю эмоциональность. У очень многих людей всякие проблемы. А вдруг ты потом сможешь выяснить что-то новое о своей тете и это обрадует твоих бабушку и дедушку? У нас два миллиона читателей. Наверняка найдется кто-то, кто что-то знает о ней. – Дебора тактично кашлянула. – Буду откровенна. Ты мне нравишься, Люси. Я хочу тебе помочь. Понимаешь? В смысле... ты ведь *хочешь* это написать?

– Я могла бы спросить у него, – растерянно произнесла Люси. – В скором времени у нас семейная встреча. Вот только приедет ли Дейзи... Просто мне неловко...

– Поговори с дедушкой и бабушкой. Или с ее дочерью. Или сама отправь мейл тете и спроси, собирается ли она на семейную встречу. Ты представь, могла бы получиться великолепная завязка для статьи. Наверняка у тебя найдется ее адрес. – На столе у Деборы зазвонил телефон, но она отклонила звонок, ткнув в клавишу костистым пальцем. – Когда ты на прошлой неделе пришла ко мне просить о повышении зарплаты, ты сказала, что мечтаешь заниматься журналистикой. Я же не прошу тебя опорочить свою семью; я просто говорю: подумай, не покопать ли немного – а вдруг что-нибудь нароешь.

Люси кивнула.

– Хорошо.

– Ты умеешь писать, Люси. – Дебора тряхнула головой, и ее кок стал таким, каким был задуман при укладке. Она взъерошила его кончиками пальцев и подкрасила губы блеском. – У тебя неплохо с идеями. Но пока ты еще ничего не сделала.

Дебора встала из-за письменного стола – на редкость нескладная – и набросила на плечи длинное пальто: просто один в один Круелла де Виль³⁷.

– Мне пора. Я обедаю с Джорди. Подумай о статье.

С этими словами она ушла, оставив Люси в большом стеклянном кабинете. Мысли бешено метались. «*Ты умеешь писать*». Она вынула из кармана открытку с приглашением от бабушки. Люси понятия не имела, что делать дальше, но в одном была уверена: где бы ни находилась Дейзи, на предстоящий праздник она не явится.

³⁷ Персонаж книги «Сто один далматинец», злодейка.

Дейзи

Март 1969

Ненавижу этот дом.

Мы прожили здесь целый год, и я точно знаю, что ненавижу его. Мне почти восемь, и я не дура, хотя, похоже, все думают про меня именно так, потому что я не люблю читать книжки, как малявка Флоренс, и терпеть не могу торчать в кухне с Ма, как Билли-Лили. А он ненавидит, когда я его так называю!

Когда я в первый раз увидела этот дом, я не поняла, что жить в нем будем только мы. И сказала папе: «Он такой здоровенный! А нас всего пятеро и только две собаки!»

Мама с папой решили, будто я сказала что-то жутко веселое. Взрослые не понимают, когда ты говоришь серьезно.

Они провели нас по саду, и Фло с Биллом там очень даже понравилось. Много места, куча деревьев. А я этот сад *ненавижу*. Мне тут страшно. Лучше бы мы вернулись в Путни, где все дома одинаковые и жить безопасно.

И вот теперь мы живем тут, и дом для нас слишком большой. Папа ужасно собой доволен, потому что сумел этот дом купить, потому что раньше у него не было денег и детство у него было невеселое. Я слышала, как он про это рассказывал Ма. Я все время слушаю их разговоры, когда они думают, что меня рядом нет. И все-все знаю про его отца и про то, как умерла его мама. Все деревянное (в доме) покрашено в зеленый цвет, повсюду крысы и мыши; Уилбур их вообще не ловит. Когда они выходят, он забивается под буфет, а однажды забрался под комод с игрушками. И Ма постоянно злая. Она хочет рисовать, а рисовать не может, потому что нету времени, а времени нету из-за мышей и собак, и еще надо нас в школу отвозить, и еду готовить, и кучу всего делать по дому. Папа частенько уезжает в Лондон, у него там деловые встречи и обеды с друзьями. Домой он возвращается поздно и улыбается, а Ма на него шипит и делается злоющая. Они кричат друг на друга. А еще они шепчутся, вот тогда я и люблю подслушивать – когда они лежат в кровати и не знают, что я стою у двери.

Переехали мы сюда, и все стало по-другому. Тут и Флоренс. Как только она появилась, стало хуже. Мы и переехали из-за нее. Пришлось покинуть Путни, наш старый дом с маками и обоями с кукурузой. Все было хорошо, пока она не родилась. Было тихо и чудесно, и я знала, что к чему, и все были на своих местах – я и Билл, папа и Ма. И у Ма было время для меня и Уилбура. А теперь она постоянно сердитая.

А еще у нас денег мало, не хватает, чтобы платить за дом. И я переживаю. Очень хочется сказать Ма и папе: «Денег не хватает потому, что вы мне когда-то сказали, будто папа получает сто фунтов за рисунок или картину, а дом стоит шестнадцать тысяч». У Ма денег совсем нет. Она тоже из бедной семьи – правда, не из такой бедной, как папа. Мы с ее родней видимся не часто. В Путни места было мало, они не могли нормально гостить, а сюда приехали на прошлой неделе и ночевали. Очень надеюсь, что больше не приедут. Сестра Ма говорит с каким-то странным акцентом и со мной ведет себя грубо. Мне хотелось подольше поболтать про Уилбура, а она велела мне заткнуться. И я что сделала: взяла осколок стекла (я его сберегла с того дня, когда разбила зеркало, а сказала, что его разбила Флоренс; я спрятала несколько осколков в дупле дерева у грядки с маргаритками) и сунула ей в сумочку. Вот полезет за носовым платком и порежет пальцы. А хорошо бы, чтобы не порезала, а отрезала.

В общем, я хочу сделать три вещи. Во-первых, вернуться на Парк-стрит, в Путни. Во-вторых, избавиться от Флоренс. Вроде того несчастного случая с Джанет, только не так. В-третьих, чтобы все признали, что Уилбур – моя собака, моя, а не всехная. Пусть всехный будет Криспин, а Уилбур – мой. Я его нарисовала несколько раз, когда он проделывал разные смешные штуки,

и рисунки эти у себя в комнате повесила. На одном рисунке Уилбур прячется со змеями и стремянками в буфете, когда видит мышку. На втором он подскакивает высоко-превысоко у стола, когда кто-то держит в руке кусок еды. И Уилбур очень смешной. А на третьей картинке Уилбур спускается рядом со мной по холму в школу. Он каждый день меня провожает, а потом возвращается домой и сидит с Ма, ждет, когда я вернусь домой. Я Уилбура больше всех на свете люблю. Цветом он похож на песок, и он, кажется, помесь лабрадора с ретривером.

Вот насчет чего я сейчас переживаю: прямо перед каникулами Джанет Джордан из нашей школы насмеялась над Уилбуром и сказала, что он урод, совсем как дворняжка. А на следующий день Джанет упала на лестнице, головой стукнулась и теперь разговаривать не может. Совсем.

Вот я и боюсь, что это я сделала с Джанет. Нет, я ничего такого специального не делала, хоть иногда и делаю, но все равно я про это много думала. Я же хотела, чтобы она умерла за то, как она говорила про Уилбура. Правда хотела. Я иногда смотрю на что-нибудь очень-очень пристально и точно знаю: я могу немножко взглядом вещи передвигать. Мне даже страшно. Когда поздно ночью я смотрю на книжки в своей новой комнате, у меня перед глазами начинают прыгать цвета, и они как будто бы со мной разговаривают. А когда я в зеркало на себя смотрю, со мной говорит кто-то злой, я его прямо вижу. И я тогда думаю: «Ну и что? Джанет была нехорошая, она надо мной насмеялась за то, что я новенькая и ношу фартук, и с другими девочками она тоже грубая, а как только увидела, какой у меня большущий дом, сразу стала такая прямо добрая. Так что заслужила».

А когда со мной Уилбур, то все хорошо. Говорят, что в саду могут насыпать яда для крыс. Если Уилбур съест этот яд, то он умрет. Так что надо ему привыкнуть спать у меня в комнате. Мне нравится, когда он со мной. Тогда мне не страшно. Мы с ним друзья. Он ложится на пол, а я его рисую. Я не умею рисовать хорошо, как папа, но я стараюсь так же садиться за стол, как он – чтобы спина стала круглая, и так же ноги под стулом скрещивать – у него это очень уютно получается. Уилбур очень умный, но иногда ведет себя глупо. Миссис Гуди говорит, что мои рисунки с Уилбуром очень хорошие и что мне стоило бы их повесить в классе, но я не хочу, чтобы на мои рисунки смотрели другие люди и чтобы они охали и ахали, поэтому я только у себя в комнате свои рисунки вешаю.

Папе мои рисунки нравятся.

«Молодчина, Дейз, – говорит он, глядя на рисунок, где Уилбур прячется от крысы в комод с игрушками. – И идея отличная. Очень смешно».

А ничего смешного нет. Все очень даже серьезно.

Джо

Через десять дней после того, как Джо порезал палец, он вышел из «Дуба» и, осторожно держа под мышкой сверток в коричневой бумаге, зашагал к Винтерфолду. Он никак не мог сдержать волнение. Накануне в разговоре с хозяйкой он упомянул о том, что должен приготовить закуску на несколько человек.

– О-о, так ты к Винтерам собираешься, да? Хорошее дело, – кивнула Шейла. – Боб, слышишь? Джо отправляется в Винтерфолд!

Боб, один из завсегдатаев «Дуба», вздернул брови.

– Вот как, – только и сказал он, но был явно впечатлен.

Раннее осеннее солнце лило туманно-золотистый свет на тихие улочки, когда Джо шагал мимо военного мемориала и почты. Сьюзен Тэлбот, почтмейстерша, стояла на пороге и разговаривала со своей матерью, Джоан. Джо вяло помахал ей перевязанной рукой, и Сьюзен радостно помахала ему в ответ, улыбаясь от уха до уха. К Сьюзен Джо относился так себе. С настороженностью. Сам не знал почему, просто она то и дело пыталась его запрячь или зазывала к себе. В последний раз попросила перетащить какие-то коробки, потом позвала на чашку чая и все такое, а потом жутко удивилась, когда в разговоре (точнее, когда она его в лоб спросила) он ей объявил, что в данное время не ищет отношений. Вот прямо сейчас – не ищет.

«Нет времени на любовь? Одна сплошная работа и никаких развлечений? – Сьюзен лучисто улыбнулась ему, а он нахмурился, потому что терпеть не мог, когда Сьюзен вот так на него пялилась. – Джо, дорогуша, ты такой красавчик. У тебя чудесные голубые глаза, а твои скулы... да за такие скулы и помереть можно – и все это псу под хвост? Надо же кому-то и радость доставить. Нельзя бобылем в квартирке ночь за ночью торчать».

Это прямо отпугнуло Джо. Еще как отпугнуло. И теперь он только дружески кивнул ей и торопливо пошел дальше, так сильно сжимая под мышкой коричневый сверток, что раненый палец опять разболелся.

Медсестра в больнице в Бате, куда Джо отвезли в тот день, сказала ему, что Билл спас ему палец, а то и всю руку. Джо подумал, что медсестра немножко преувеличивает, но ему объяснили, что начнись заражение крови – и все было бы куда как хуже. А кому нужен шеф-повар, который не способен нож в руке держать, замешивать соус, пончик поджарить? Что бы он тогда делать стал? Без работы остался бы точно. Пришлось бы чем-то еще заняться – например, стать барменом. А он, помимо прочего, хотел помогать Джемме деньгами, хотя она и отнекивается. «Мне ничего от тебя не надо», – то и дело говорила она ему теперь, когда у нее появился Йен.

Последний визит Джо к сыну Джемма отменила. Это было пару недель назад. Сказала что-то насчет театральной постановки «Груффало»³⁸, и что Джейми этот спектакль никак не может пропустить, что весь класс идет в театр. Сына Джо не видел уже два месяца. В конце июля, когда начались школьные каникулы, Джейми жил с ним. Так было здорово! Они плавали в реке в Фарли-Хангерфорде, а потом устроили пикник на участке Шейлы. Комнатки Джо над баром были тесными, а Шейла сняла коттедж с садом, тянувшимся до самого леса, где было слышно, как дерутся лисы и ухают совы, и еще какое-то странное шуршание, издаваемое неведомыми зверьками. Они развели костер, и Джо поджарил фирменные колбаски с пряностями, и уложил их внутрь собственноручно испеченных булочек с розмарином и фундуком, и смазал горчицей. И они сидели с Джейми вдвоем под звездами и жевали булочки с колбасками, и Джо не мог припомнить, когда еще в своей жизни чувствовал себя таким счастливым. Для Шейлы

³⁸ Груффало (также Граффало) – персонаж английской детской литературы, большой и страшный лесной зверь. Придуман писательницей Джулией Дональдсон, впоследствии по книге был снят одноименный анимационный фильм.

он приготовил вкуснейшие шоколадные трюфели, чтобы отблагодарить за то, что она позволила устроить пикник на ее лужайке. Вместе с Джейми они сделали для конфет коробочку из картона и украсили ее – разрисовали фломастерами. Пятнышки от этих фломастеров до сих пор остались на кухонном столе – синие, оранжевые и зеленые в тех местах, где Джейми промахивался мимо коробки. Теперь они каждый вечер попадались Джо на глаза, и он ощущал острую боль из-за того, что сына нет с ним рядом. Вечером на следующий день после того, как Джо отвез Джейми в Йорк, он преподнес Шейле коробку с конфетами, и она умиленно заворковала.

«Не стоило... Мне было приятно. Он такой милашка. Наверное, ты им очень гордишься».

«Да, – кивнул Джо, сглотнув подступивший к горлу ком. – Хотя я тут ни при чем».

«Шутишь? Да он же копия ты, дорогуша! – Тут Шейла заметила выражение лица Джо. – Точно тебе говорю, Джо! И я рада буду видеть вас у себя, когда ты только пожелаешь».

За эти слова Джо был готов расцеловать Шейлу, и все же жизнь здесь чем дальше, тем сильнее отдаляла его от сына. Он работает в двухстах пятидесяти милях от Джейми. Почему он не вернулся в Йорк или хотя бы в Лидс, почему не поехал к матери в Пикеринг, не стал ей помогать?

В будущем году Джемма и Йен собирались пожениться, и хотя Джо искренне желал им счастья и был рад за Джемму – ведь теперь она сможет позволить себе любой маникюр, какой захочет, – он ощущал себя брошенным и покинутым. Он никогда ей не подходил и сам понять не мог, зачем он ей тогда сдался. Они были, если можно так выразиться, из разных весовых категорий. В клуб он попал только потому, что один из шеф-поваров уволился. В клуб этот ходили футболисты, а Джемма была из тех девушек, которые гуляют с футболистами.

Мишель, сестра Джо, предупреждала его: «Жду от нее беды, Джо. Ей твои денежки нужны».

Джо спокойно ответил: «Она отлично знает, что нет у меня никаких денег».

«Ты для нее просто ступенька к другой жизни, Джо. Перекантуется с тобой, пока не найдет себе миллионера, – вот как заявила ему Мишель. – Ты в женщинах ничего не смыслишь. Ты ведь давно уже не жирный прыщавый мальчишка в носках до колен и в мамином фартуке, который стоит у плиты и печет брауни, понимаешь, братец? Ты... гм-м-м... симпатичный парень и добрый к тому же. Все мои подружки без ума от тебя. Так что думай головой, я тебе так скажу».

Они встречались всего несколько месяцев, когда Джемма сообщила Джо о том, что беременна. Джо был на седьмом небе от радости, а Джемма нет. Она была напугана. Теперь-то Джо понимал, в какую игру тогда играла Джемма: она искала для себя безопасности и благополучия, потому что школу закончила кое-как, у матери ровным счетом ничего не было, а отец давно умер. Джемма была совсем как Мишель: она ничего не умела, у нее не было ни специальности, ни образования. А было у нее только собственное тело и хорошенькая мордашка, вот этим она и взяла Джо – мужчину, который никогда не поднял бы на нее руку и не стал бы ей изменять.

Стоило ей выйти за Джо, как она поняла, что не любит его по-настоящему. Но к этому моменту прошло уже почти пять месяцев.

Если бы они были постарше и поумнее, может, у них что-то и получилось бы. Будь Джо более опытен, он бы заметил, как Джемма юна и как сильно испугана. Он понял бы, сколько глупостей она наделала из-за того, что боялась и хотела его проверить, и, может быть, тогда он ее удержал бы. Но она стала пропадать по вечерам, когда Джейми было всего несколько недель, и возвращалась, когда хотела, а в остальное время они ссорились. Она кричала, что его вечно нет, что он мало зарабатывает, да еще квартирка в Лидсе была крошечная, и оба они тогда ужасно уставали и постоянно срывались друг на друга. Когда Джемма начинала вопить, она становилась совершенно дикой, просто жутко дикой. А Джо смотрел на своего сына, на его маленькое красное морщинистое личико, и серьезно поджатые губы, и черные бусинки широко

раскрытых глаз, и внезапную улыбку, когда его брали на руки, и гадал: слышит ли Джейми те ужасные слова, которые папа с мамой говорят друг дружке? Плохо ли ему от этого? Наверное, он думает, что весь мир полон злости и печали?

Как-то раз Джо вернулся из ресторана в четыре часа утра, а они исчезли. Осталась только записка. *«Прости, Джо. Больше не могу. Можешь видеться с Джейми, когда захочешь. Дж. P.S. Ты был хороший».*

Поначалу все было неплохо. Джо виделся с Джейми то в субботу, то в воскресенье, а то и два выходных подряд. Он водил сына в разные места: в парк, в игровую группу в церковном дворе. Джейми нравилось играть с другими детьми, мамочки всегда были дружелюбны, и Джо это было по душе. А потом Джемма переехала в Йорк, и встречаться с Джейми стало сложнее, но все равно было не так уж плохо. Джо продолжал работать не покладая рук. Жизни у него, считай, почти никакой не было – ну, ходил время от времени на свидания, да порой выпивал пинту пива со старым дружком. А на самом деле он всю неделю ждал выходных, которые проведет с Джейми. Дни с сыном он словно бы складывал, как кладут кирпичи, возводя стену, – чтобы хорошенько их запомнить.

А когда отмечали третий день рождения Джейми, появился Синклер, адвокат. Джемма подстриглась. Джо попросил ее выйти с ним и спросил, что этот человек делает у них в гостиной, и с какой стати он тут щелкает своим здоровенным дорогушим фотоаппаратом «Nikon», и почему явился с подарком для Джейми – ярко-красной пожарной машиной. Джо приехал с опозданием – привез торт «Губка Виктории», который испекла его мать и долго возилась, украшая разноцветным драже. Торт, пока Джо ехал в автобусе, помялся. Джо стоял у стены, разговаривая с Лайзой, соседкой Джеммы, и захотел взять Джейми на руки, но мальчик отпрянул. Потом Джо подарил ему лук со стрелами, и Джемма чуть было не укололась стрелой. «Ты что придумал, Джо, черт тебя побери? Что ему с этим делать прикажешь? Гулять в Музейных садах и стрелять в кого-то?»

Йен принес здоровенный торт, размером с поезд, а для взрослых – французскую помадку. И торт, и конфеты он заказал в «Betty's»³⁹. Подарок Джо был убран в пластиковый пакет и лежал на полу у дивана. Возвращаясь из туалета, Джо заметил помятый торт, приготовленный его мамой и оставленный нетронутым в новенькой, с иголки, стерильной кухне. Жирный крем стекал на картонные тарелочки, которые Лидди аккуратно разложила по краю торта. В итоге Джо сильно напился с Лайзой, соседкой Джеммы, и они пошли к ней, и у них был секс. Секс точно был, только Джо почти ничего не запомнил.

Но еще хуже было вот что: когда Джо уезжал и пришел попрощаться, Джемма вышла из дома. Ее просто трясло от злости.

«Кое-что меняется, Джо. Понял? – Она постучала пальцем по стеклу джипа Йена, на котором она теперь возила Джейми в детский сад. – Мне надоело, что ты болтаешься тут, как бездомный пес».

Джо видел Джейми, сидевшего на заднем сиденье и пристегнутого ремнем безопасности. Полусонный малыш удивленно смотрел на отца, сунув в рот палец; к вспотевшему лбу прилипли густые кудряшки. Джейми потянулся к дверце и постучал по стеклу указательным пальчиком.

«Папа?»

«Убирайся и живи своей жизнью, – прошипела Джемма, глядя на Джо в упор. – Я серьезно».

Конечно, она права. Просто Джо не знал, какая она – его жизнь. Отец ушел, когда Джо не было пяти лет, а Мишель было восемь. Первое время отец часто возвращался, а затем перестал.

³⁹ Знаменитая кондитерская.

Дерек Торн, врун и картежник, отнимал деньги у матери Джо и Мишель, а однажды, напившись, ударил ее. Куда подевался отец, Джо понятия не имел. Мать не хотела об этом говорить. Даже и трагедии не было никакой. Он просто испарился, вот и все.

Теперь Джо понимал, как легко и просто может такое случиться. Понимал, насколько осторожно ему следует себя вести, чтобы сохранить хорошие отношения с Джеммой и Йеном. Потому что воспоминания о встречах с Джейми становились для него все более и более драгоценными. Отцом Джейми был *он*, а не Йен, тут ничего измениться не могло. Джо не какой-нибудь там идиот из Союза борьбы за права отцов. Он не собирался мешать Йену. Потому что ночью, когда Джейми проснется, рядом окажется Йен, а не Джо. И Йен обнимет Джейми, когда тот скажет, что его напугало чудище, которое сидит под кроватью. Да, все это будет делать он...

Джо остановился на полпути вверх по холму. Он стоял, вдыхая запах опавшей листвы, древесного дыма, дождя, и смаргивал едкие слезы, застилавшие глаза. Удивительно радостно было вспоминать, как Джейми прижимался к нему крепким, жилистым телом, когда они обнимались, но к радости примешивалась колющая сердечная боль. Джо вспоминал, как пахло костром от волос Джейми тем летом. Вспоминал негромкий голос сына и то, как он спал, крепко сжав кулаки; так он спал с тех пор, когда был совсем маленьким. Вспоминал его ровные зубы, веселую болтовню про одноклассников и про подружку по имени Эсме.

Джо понимал, что жизнь не остановить, что надо двигаться дальше, раз уж он оказался в таком положении. Но он чувствовал, что начал все портить. И наверное, уже было слишком поздно.

До Винтерфолда оставалось идти минут десять. Подъем по травянистому склону стал круче. Тропа виляла между деревьями, вела мимо развалин старинного монастыря и заканчивалась перед деревянными воротами. На невысоком заборе у ворот было высечено название поместья: «*Винтерфолд*». Прежде чем отодвинуть засов, Джо немного помедлил. Не то чтобы он трепетал перед знатыми и богатыми, но все же очень волновался, шагая по усыпанной мелким гравием подъездной дорожке. Другой мир!

На темно-оливковой зелени пестрели желтые прожилки. Ветви еле слышно шелестели. Джо шагал вперед и смотрел на Винтерфолд. Парадная дверь находилась в центре дома, имевшего форму буквы «Г», и из-за этого казалось, что дом тебя словно обнимает. Нижняя половина постройки была сложена из золотисто-серого батского камня, кое-где покрытого белесым лишайником. Здание венчали четыре величественные мансарды, обшитые стругаными досками – по две с каждой стороны. От земли к нижнему стропилу тянулась глициния. Джо заглянул в одно из витражных окон у двери и отпрянул. Внутри кто-то ходил.

Большая дубовая дверь с резьбой в виде орнамента из ягод и листьев потемнела от времени. Дверной молоток имел форму совы; ее глаза смотрели на Джо не мигая. Джо решительно постучал и отступил на пару шагов. Он чувствовал себя Джеком, явившимся к дому великана.

Прождав целую вечность, Джо протянул руку к молотку-сове, чтобы постучать снова, когда дверь открылась. Джо качнуло вперед, и он чуть не упал в объятия Марты Винтер.

– О, привет. Рада вас видеть. Как рука?

– Намного лучше. – Джо достал сверток, который держал под мышкой. – Я вот тут вам принес кое-что. Чтобы отблагодарить. Мне сказали, что, если бы доктор Винтер не сделал все так быстро, я мог бы потерять палец.

– Входите. – Марта развернула бумагу и провела кончиками пальцев по потрескавшейся корочке хлеба. – Тигровый хлеб⁴⁰. Мой любимый, представляете? Как мило с вашей стороны,

⁴⁰ Тигровый хлеб также известен под названием «голландский хруст». Его название происходит от особого вида верхней части батона, который достигается путем нанесения пасты из рисовой муки перед выпечкой. Эта паста не содержит клейковины, поэтому не растягивается вместе с поднимающимся тестом. В процессе выпечки, когда батон расширяется, подсохшая паста начинает расходиться трещинами.

Джо! Но меня не стоит благодарить – на моем месте так поступил бы каждый. Благодарить вам надо моего сына.

– Да, – кивнул Джо. – Конечно.

– Вы ведь здесь прежде не бывали, верно? Тут красиво по вечерам, когда солнце начинает опускаться за холм.

Джо и не заметил, как Марта сняла с него пальто и повесила на один из странных резных крючков. Когда они шли по прихожей, он бросил взгляд влево, в огромную светлую гостиную. Вдоль беленых стен, рассеченных черными столбами, стояли темные деревянные буфеты. Французские окна были открыты нараспашку, а за ними начинался сад. На фоне зеленоватой дымки мелькали красные, синие и розовые пятна.

– Прекрасное выдалось лето для садовников! То и дело дождь. Домик на дереве совсем сгнил. Правда, у нас тут теперь нет детишек, которые всюду носятся как угорелые, и домик на дереве больше никому не нужен... – Марта открыла дверь кухни, и Джо вошел туда следом за ней. – Я дверь закрою, потому что Дэвид в кабинете и может захотеть к нам присоединиться.

– А это плохо?

– У него сроки подпирают, с выставкой. А он обожает отвлекаться – услышит ваш голос и явится. – Марта взъерошила коротко стриженные волосы. – Садитесь, угощайтесь имбирной коврижкой.

Она отодвинула от стола деревянный резной стул с подлокотниками и подтолкнула по столешнице к Джо бело-голубую полосатую тарелку. Джо с радостью взял кусок коврижки. После травмы его постоянно мучил голод, и он не мог понять, в чем дело, – может, какой-то длительный шок? Марта Винтер ходила по просторной кухне, а Джо следил за ней взглядом. За открытыми дверями располагалась столовая, отделанная деревянными панелями. На буфете стояла банка из-под варенья с ярко-розовыми и сиреневыми цветами душистого горошка. Лидди, мать Джо, сажала душистый горошек возле дома и упорно направляла его вверх по решетке у забора, окружавшего их маленький коттедж. Джо с наслаждением вдохнул сладкий, головокружительный аромат цветов и думал о том, что надо бы что-то сказать, чтобы Марта поняла: он профессионал и годится для работы, которую она хотела ему поручить.

– Флоренция? – спросил он, указав на висевшую на стене акварель.

Марта посмотрела на картину и улыбнулась.

– Да. Мы написали эту картину во время медового месяца. Вместе.

– Очень красиво. А я учился в Италии. Курс кейтеринга – целый семестр там провел.

– Моя дочь живет во Флоренции, – сказала Марта. – Учились в Италии? Как чудесно.

А где именно?

– В деревушке, где-то в глуши, в Тоскане. Было здорово. А ваша дочка чем занимается?

– Она профессор искусствования. Большую часть времени преподает в Британском колледже искусств там, но иногда и здесь читает лекции. Она очень умная. Не то что я. Я изучала историю искусств, но говорить не мастер.

– Так вы тоже художница?

Марта сложила руки и посмотрела на обручальное кольцо.

– Была когда-то. Мы с Дэвидом оба получали стипендию в школе изобразительных искусств имени Слейда. Нас называли «нищими ист-эндцами». Там учились жутко аристократичные и богатые дети из «домашних графств»⁴¹. В комнате со мной жила девушка по имени Фелисити, дочь бригадного генерала. Ой как она смешно про него рассказывала... – Губы Марты немножко разжались, и стала видна прореха между верхними зубами. – Сейчас-то запросто можно заглянуть в смартфон и посмотреть, что такое «бригадный генерал», а тогда я понятия не имела, кто это такой. Примерно через месяц я спросила об этом у Дэвида.

⁴¹ Графства, расположенные вокруг Лондона, – Беркшир, Бакингемшир, Эссекс, Хартфордшир, Кент, Суррей и Суссекс.

– А вы его с детства знали?

Марта вдруг резко захлопнула книгу кулинарных рецептов, лежавшую на столе, и встала.

– Нет. Мы были из разных районов Лондона. Хотя я виделась с ним раньше. Один раз. – Ее голос зазвучал по-иному. – В общем, я больше не пишу. Почти. Когда мы сюда перебрались... стало слишком много других дел. – Она стесненно улыбнулась. – Ваш чай.

«Не любит говорить о себе», – сделал вывод Джо.

– Но когда вы еще этим занимались, какие у вас были картинки? Ой, простите, какие у вас были работы?

Марта весело рассмеялась.

– «Работы»? Слишком громко сказано! А рисовала я много всякого. Пастель, акварели, копировала картины знаменитых художников. Бывало, продавала свои картины в Гайд-парке по воскресеньям... Это было давным-давно. Дети не способствуют тому, чтобы стать вторым Пикассо, понимаете?

– Так у вас, стало быть, двое детей?

– Трое. – Марта отошла к раковине. – Есть еще Дейзи. Средняя. Она живет в Индии. Работает волонтером – обучает грамоте детей в провинции Керала.

Джо не стал говорить: «Уилбур и Дейзи. Я про них все знаю». Почему-то он не думал, что маленькая девочка из комиксов, которые он обожал в детстве, существует на самом деле.

– Индия. Какая экзотика.

– Экзотика ни при чем – при ее-то работе. Она добилась больших результатов. – Марта вымыла яблоко, расплескав воду вокруг себя. – Хотите?

Джо покачал головой.

– Тогда, быть может, составим список? У меня есть пара идей и несколько предложений.

– А она приедет на ваш день рождения?

Марта непонимающе посмотрела на Джо и села к столу.

– Кто?

– Дейзи, – ответил Джо нервно. – Ваша дочка.

Марта принялась ножом счищать кожуру с яблока.

– Люблю, чтобы получалась неразрывная ленточка, а в последнее время я растеряла навыки. – Наступила тишина. Серебро врезалось в блестящую зеленую кожуру. словно бы спохватившись, Марта добавила: – Дейзи не приедет, нет.

– Простите. Не стоило мне спрашивать.

Джо, смутившись, извлек из кармана блокнот.

– Все в порядке. С Дейзи ничего такого... ужасного. Просто она всегда чуть... отличалась. Рано родила... У нее был роман с парнем, с которым она познакомилась в Африке. Кажется, он там занимался бурением скважин, воду искал. Приятный молодой человек. – Марта сдвинула брови и полуприкрыла глаза, словно стараясь представить этого парня. – Гайлз, кажется... Вот ведь ужас, все забываю. Да, милый парень... Ну да ладно. В общем, она в Индии и многого там добилась. Теперь в том районе, где она помогла построить школу, одинаковая посещаемость у мальчиков и девочек, а в прошлом году мы... точнее, она... да, она практически все сделала сама – собрала деньги, и их хватило, чтобы подвести водопровод. Вот так всегда: стоит ей что-то задумать, и она ни перед чем не остановится.

– А вы столько об этом знаете, – восхищенно произнес Джо.

– Ну, мы... скучаем. Мне интересно то, что интересуется ее. А ее дочь Кэт... печально, что тут скажешь.

У Марты заблестели глаза.

– Она никогда не видела своего ребенка? Ни разу?

На стол легла спиральная ленточка яблочной шкурки.

– Видела несколько раз за все годы. Мы сами вырастили Кэт. Дейзи встречается с ней, когда приезжает.

– И когда она приезжала в последний раз?

Марта задумалась.

– О... Надо припомнить. На свадьбу Билла и Карен? Четыре года назад. Она была немного на взводе. Дейзи... у нее пыл неофитки, понимаете. Некоторых это раздражает. И ее брата, и сестру раздражает, если уж говорить откровенно. Просто... – Марта помедлила. – Да нет, ничего.

Джо заинтригованно проговорил:

– Расскажите. Просто – что?

Марта растерянно оглянулась через плечо, на гостиную, залитую золотистым осенним светом.

– Просто... О, Джо, дети не становятся такими, какими ты их себе представляешь, когда они маленькие. Когда впервые берешь свое дитя на руки и смотришь на него. Вот тогда ты видишь, каким человеком он станет, твой ребенок. Понимаете, о чем я?

Джо кивнул. Он прекрасно помнил то мгновение после родов, когда Джемма, изможденная, лежала на спине, а акушерка, стоявшая у кровати, повернулась и, словно фокусница, протянула ему белый сверток, издававший мяукающие звуки, слегка похожие на назойливый рингтон. «*Уааа, уааа, уааа*».

«Ваш сын!» – радостно произнесла акушерка. И Джо уставился на круглое лиловое личико. Глаза новорожденного на краткий миг открылись, и в то мгновение Джо пришла такая мысль: «*Я знаю тебя. Я знаю, кто ты такой*».

– Да, – проговорил Джо после небольшой паузы. – Я понял, какой он, сразу же, как только его увидел. Я словно бы увидел его душу.

– Именно. Но это... это не то, чего мы для нее хотели. – Марта умолкла, и ее зеленые глаза наполнились слезами. Она пожала плечами. – Простите. Я просто скучаю по ней.

– Конечно, я понимаю.

Сердце Джо распахнулось для Марты. Он глотнул чая, доел пряник. Они немного посидели в дружелюбной тишине. Джо снова ощутил до странности знакомое чувство покоя рядом с этой женщиной. Казалось, он знает ее давным-давно.

– В общем, так, – сказал он, поставив кружку на стол. – У меня появилось несколько идей. Хотите обсудить?

– Конечно, – кивнула Марта и смахнула что-то со щеки, мимолетно улыбнувшись. – Я так рада, что этим занимаетесь вы, Джо.

– Да я с удовольствием. – Джо смущенно улыбнулся. – Я подумал, что для семейного ланча в субботу мы могли бы приготовить ассорти тапас и много разных соусов и мясных закусок. Сходим вместе с вами в магазин копченостей на Левелс-стрит и выберем там колбасы, лососину, паштеты и всякое такое. А потом надо будет купить молочного поросенка. Поркетта с семенами фенхеля и шалфеем – отличное главное блюдо, а я много разных овощей приготовлю. На десерт – фруктовый салат и большой именинный торт, и еще большая сырная тарелка. По возможности, я хотел бы максимально использовать местные продукты. Ну как вам?

– Великолепно! Я не сомневалась, что могу на вас положиться. – Марта наклонилась к столу и похлопала Джо по здоровой руке. – У меня уже слюнки текут. Можете воспользоваться травами из нашего сада, это было бы чудесно...

Позади них распахнулась дверь, и Марта обернулась – отчасти раздраженно, отчасти удивленно.

– Дэвид, милый, всего десять минут прошло. Неужели ты... *Люси!* Здравствуй!

– Привет, бабуля! – В кухню вбежала высокая кудрявая девушка и порывисто обняла Марту. – Ой, как же я рада вернуться... А где Левша?

- Почему ты приехала? – поправив волосы, спросила Марта.
- Прости, что напугала тебя. Просто решила... Я не знала, что у тебя гость.
- Меня зовут Джо, – представился Джо, встав перед Люси. – Рад с вами познакомиться.
- Люси. Привет.

Люси протянула Джо руку, внимательно глядя на него.

У нее были большие глаза цвета лесного ореха, светлая кожа и широкая искренняя улыбка. Верхние резцы, как и у ее бабушки, были расставлены немного широко. Глядя на Джо, девушка покраснела и растерянно прижала левую руку к груди.

– О, какой приятный сюрприз! – Марта вновь обняла внучку и поцеловала в макушку. – Люси, Джо – новый шеф-повар в «Дубе». Он будет готовить еду для праздника.

– Как здорово! – с искренним восхищением воскликнула Люси. – Моя мачеха много о вас рассказывала. Она говорит, что вы – самое лучшее, что случилось у них в деревне с тех пор, как она туда приехала. – Люси взяла с тарелки кусок коврижки и села. – М-м-м... Бабуля, как же здорово!

– Так... А кто ваша мачеха? – Джо отправил в рот очередной кусок имбирной коврижки.

– По-моему, она в вас влюбилась, так что будьте осторожнее. – Люси кокетливо покачала своим куском коврижки. – Карен Бромидж. Знаете ее? Ей за тридцать, она невысокого роста, похожа на Гитлера в женском обличье, носит облегающие топы.

– Люси, не говори глупостей, – вмешалась Марта. – Джо, с вами все в порядке?

Джо встал, закашлялся и очень старался не поперхнуться.

– Немно... – Он не мог говорить. – Я...

– Налей ему воды, – распорядилась Марта.

Люси вскочила, побежала к раковине, протянула Джо стакан. Он сделал глоток, тяжело дыша и чувствуя себя полным идиотом. Вот ужас!.. Девушка изо всех сил стукнула его ладонью по спине. Джо откашлялся и сел.

Люси взяла салфетку, стерла крошки с губ и повернулась к Марте:

– Итак, бабуля, что за грандиозная идея? Я имею в виду твой праздник. Я получила приглашение. Хотя, между прочим, ты его отправила на мой старый адрес.

– Детка, ты то и дело переезжаешь. У меня нет твоего нового адреса. А что было не так со старой квартирой?

– Всякие проблемы, – коротко ответила Люси. – Настало время переехать.

– Ты ведь там всего три месяца прожила!

– Ну... голубь то и дело насиловал голубок на крыше рядом с окном.

– Что?!

Люси проглотила последний кусочек коврижки.

– Каждое утро. Этот голубь раздувал перья на шее и гонялся за голубками, а они пытались от него улететь. А я лежала в кровати и слушала непрерывные крики и воркование, а потом смотрела за окно, и мне было жалко этих несчастных голубок.

– Круговорот жизни, – вздохнула Марта. – Задернула бы шторы.

– Не было там никаких штор.

Марта закрыла лицо ладонями и расхохоталась.

– Теперь я живу с Айрин. И все нормально.

– Кто такая Айрин?

– Айрин Хуанг? Айрин из Алпертона? Бабуля, ты же с ней познакомилась, когда мы обедали в «Либерти». Она блогер, пишет о моде. Более или менее... если честно, порой она жутко действует на нервы. Оставляет на холодильнике записочки про своего кота, у которого расстройство кишечника, мол, я не должна – ни в коем случае – кормить его сама.

– Люси! – одернула Марта внучку таким тоном, словно той было лет восемь. – Не надо за столом говорить о расстройстве кишечника.

– Разве это неприлично? – удивилась Люси.

– Чертовски неприлично говорить о расстройстве кишечника у постороннего кота.

– Кота зовут Председатель Мяо. И это очень даже прилично. Замечательная кличка, она меня очаровала, а теперь уже слишком поздно.

– А почему вы решили с ней жить? Ну, кроме кота? – спросил Джо, пытаясь дышать ровно, хотя он до сих пор не понял, в какой части глотки у него застрял кусок имбирной коврижки.

– Она живет в Далстоне. А Далстон в наше время – центр всего на свете.

– Даже не слышала о таком районе, – покачала головой Марта.

– Это в Восточном Лондоне, – сказал ей Джо. – Очень модный район.

– Представь Гринвич-Виллидж пятидесятых годов сегодня, – пояснила Люси.

– О, понятно, – кивнула Марта. – Как дела на работе? Люси работает в редакции «Daily News», – сказала Марта, переводя взгляд на Джо.

– Работа? Все прекрасно, – ответила Люси радостно. – Просто блеск. Послушай, я хотела тебя кое о чем спросить. Как ты думаешь...

В холле послышались шаги. Люси мгновенно покраснела, пожала плечами и поспешно добавила:

– Ладно, ничего.

Дверь кухни со стуком открылась, и на пороге появился Дэвид Винтер. Створку двери он придержал тростью.

– Чаю можно попросить, Эм?

– Конечно. – Марта почему-то посмотрела на Джо. – А что-то случилось?

– У меня сложности с Уилбуром. Ты не могла бы прийти ко мне и сделать вид, будто гоняешься за своим хвостом? – Тут он увидел Люси, и его лицо озарилось радостной улыбкой. – Люси, милая! Какая радость! Пойдем ко мне в кабинет. Мне нужно, чтобы ты побегала по кругу.

Люси весело рассмеялась.

– И Джо здесь, чудесно! Приветствую, сэр. Вы, наверное, пришли обсудить планы грядущего праздника?

– Здравствуйте, Дэвид. – Джо встал и пожал руку хозяина дома. У него слегка закружилась голова. – Да мы, в принципе, уже договорились насчет меню.

Дэвид наклонился к столу.

– Что ж, чудесно. А теперь я возьму вот этот кусочек коврижки и вернусь к себе в кабинет. Люси?..

– Мне нужно бабулю кое о чем расспросить. – Люси посмотрела на Марту. – А Джо не мог бы?

– Джо, пожалуйста, пойдите со мной. Я вас попрошу побегать по кругу, притворившись собакой, ладно? – произнес Дэвид с улыбкой.

И Джо второй раз за время пребывания в Винтерфолде подумал, что для человека с такой улыбкой можно сделать что угодно.

– Конечно.

– А знаете, проще было бы посмотреть, как собака гоняется за своим хвостом, на ютубе, – сказал Джо, когда они вошли в кабинет Дэвида.

– На ютубе? – переспросил Дэвид и с трудом опустился в рабочее кресло. Он тяжело дышал.

Джо присмотрелся к нему. Под карими глазами Дэвида залегли коричневые круги.

– А мне и в голову не пришло... Отличная идея. – Дэвид откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

– Вам нездоровится?

– Немного устал. В последнее время плохо сплю. Было время, снотворное принимал. Больше не могу. – Он похлопал ладонью по груди. – Мотор барахлит.

– Сочувствую.

Джо обошел большой дубовый письменный стол, встал рядом с креслом Дэвида и принялся набирать команды на клавиатуре старого компьютера, системный блок которого опасно разместился на краю стола, рядом со стопкой бумаги, большой кружкой, набитой карандашами, и бесформенной грудой дисков с триллерами. Дэвид смотрел в одну точку, вяло сложив руки на коленях.

– Этот стол опасен для здоровья, – сказал Джо, чтобы поддержать разговор. – Просто аварийный.

Слава Дэвида смущала его, заставляла нервничать. В ресторан в Лидсе ходили совсем другие люди: футболисты или те, кого выгнали из реалити-шоу. Они заказывали пиво «Cristal», а потом подолгу сидели за столиками и неотрывно пялились на экраны своих смартфонов. В Дэвиде было что-то такое, что по-настоящему восхищало Джо – восхищало всю жизнь, и это было странно, очень странно.

– На своей кухне я бы вам ни за что работать не позволил.

– Ха, – хмыкнул Дэвид. – Тут работа всей моей жизни. Плюс все наши бумаги. Да, жуткий бардак, и в один прекрасный день кому-то предстоит тут основательно разобраться. Надеюсь, не мне. – Он сел ровнее, когда Джо запустил видео. – Подумать только, а? Но откуда вы знали, какой собакой был Уилбур? Это же его точная копия!

– У меня были все книжки ваших комиксов, – смущенно ответил Джо. – Дядя дарил мне их каждое Рождество. С Дейзи и Уилбуром я знаком лучше, чем с большинством своих родственников.

– Правда? – обрадовался Дэвид. – Чудесно! А как зовут вашего дядю? – Толстые красные пальцы попытались обхватить карандаш, однако тот выскользнул. – Проклятье. Руки сегодня меня практически не слушаются.

– Его звали Альфред. Он уже умер, так что можно не записывать. – Джо накрыл ладонью руку старика. Он был очень тронут. – В школе, где я учился, Уилбура все обожали.

– Неужели? Очень приятно!

– Да. – Джо улыбнулся. – Ну, я вас оставляю, не буду мешать работать.

– Нет-нет, пожалуйста, поболтайте со мной, – взмолился Дэвид. – Терпеть не могу оставаться один. Особенно в такие дни.

– Мне бы надо вернуться. А миссис Винтер хочет, чтобы вы доделали какую-то работу.

Ко всему прочему, у Джо уже было такое чувство, что он провел в этом доме достаточно времени и вмешался во все здешние дела. То, как обитатели дома притягивали к себе, даже не спрашивая, хочешь ты этого или нет, сводило с ума, очаровывало и сбивало с толку. У Джо голова шла кругом.

– А мне в паб пора, скоро вечерняя смена.

– Вот как... – разочарованно протянул Дэвид. – Ужасная новость. – Он вытащил кусок коврижки из кармана куртки. – Я должен съесть это, а потом вздремну. Марте не говорите. Сроки сдачи работы перенесли.

Джо вышел из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь, и направился к кухне. Подходя к ней, он услышал сердитый голос Марты:

– Нет, Люси. Нет и нет. Просто поверить не могу! Как они вообще посмели тебя просить? Мало разве Левша сделал для них за все годы?

Что-то упало и разбилось. Похоже, фарфоровая чашка.

– О черт! Надо бы мне позвонить им и задать трепку.

Джо растерялся, не зная, войти или нет. Но и подслушивать у него желания не было.

– Пожалуйста, не звони, бабуля. Это была моя идея.

– Твоя идея! – Марта расхохоталась. – Люси, только этого еще не хватало!

Люси хрипло проговорила:

– Против твоей воли я бы ни за что не стала ничего такого делать, бабуля. Если ты считаешь, что идея ужасная, – все, забыли. Я просто подумала написать Дейзи мейл и спросить у нее, почему она...

Марта ответила шепотом, Джо с трудом расслышал ее слова.

– Даже не думай об этом. – И, словно поняв, что возле двери кто-то есть, она резким тоном добавила: – Джо, вы здесь? С какой стати вы подслушиваете?

– Простите.

Джо вошел, смущенно почесывая макушку. Люси покраснела. Марта ласково погладила ее мягкие кудряшки.

– Прости меня, детка. Зря я сорвалась на тебя... Джо, хотите еще чаю? Или бокал вина? Я бы не отказалась от бокала вина.

Джо посмотрел на настенные часы.

– Мне лучше поскорее тронуться в обратный путь. Давайте обговорим остальное меню, и я пойду.

Люси встала и отодвинула стул от стола.

– А я наведаюсь к папе, заброшу вещи. Потом поужинаем, ладно, бабуля? Прости меня. – Ее глаза блестели почти лихорадочно. Она сглотнула слюну и повернулась к Джо: – Вам кто-то звонил. И сообщения приходили.

– Наверняка моя мама... – смущенно произнес Джо.

Лидди то и дело забрасывала его эсэмэсками. Но, опустив глаза, он увидел на экране номер абонента, отправившего ему последнее текстовое сообщение, и у него пересохло во рту.

«Ну вот, – подумал Джо, – меня нашли».

Увидимся попозже? Могу смыться.

Люси виновато смотрела на бабушку, и Джо не мог понять, прочла ли она сообщение. Палец, которым Джо прикоснулся к экрану смартфона, дрожал так, будто в его тело вонзилось множество отравленных дротиков.

– Ну что ж... Я как-нибудь загляну к вам в паб, ок? – сказала Люси.

– Конечно, – кивнул Джо. – Заходите в любое время. Можете у себя в газете про нас рассказать. Пусть приедут, отведают. Нам такая помощь не помешает.

Люси задумчиво на него посмотрела.

– Пожалуй, я так и сделаю. Спасибо, Джо... Ну все, стартую к отцу, – сказала она и на прощанье одарила Джо быстрой секретной усмешкой.

А он не понял, что бы это могло значить.

Флоренс

– Pronto!⁴²

– Профессор Ловелл! Вы хотели меня видеть?

Джордж Ловелл положил на стол ручку и свел вместе подушечки пальцев. Зажмурив глаза и слегка склонив голову набок, он произнес:

– Да. Adesso, Signora⁴³.

Флоренс закрыла за собой дверь и села на один из стульев красного дерева с высокой спинкой. По слухам, профессор Ловелл «вызволил» эти стулья из заброшенного палаццо неподалеку от Фьезоле.

– В общем, – сказала Флоренс, – я хотела попросить у вас маленький отпуск в ноябре. На три дня примерно.

– Насколько я понимаю, это не для работы на «Курто»?

– Нет, просто выходные. Надо навестить родителей.

Флоренс сунула руки в карманы юбки и улыбнулась настолько очаровательно, насколько могла.

Профессор Ловелл вздохнул и закатил глаза, словно пытался рассмотреть соринку, прилипшую к брови. Флоренс наблюдала за ним, гадая, как ему удастся так долго сохранять неподвижность. Он был похож на сову.

– Джордж? – произнесла Флоренс через несколько секунд. – Джо-ордж...

– Флоренс. Опять?

– Что «опять»?

– Отпуск в середине семестра.

Флоренс лихорадочно попыталась припомнить, на что он намекает.

– А, вот вы о чем! Но это было два года назад, и речь шла об операции. Мне удалили родинку, что вызвало последствия.

– Ну да, да, ваша знаменитая родинка на спине, – проговорил профессор Ловелл таким тоном, словно сильно сомневался в этой истории.

– У меня потом было заражение крови. Я чуть не умерла.

– Полагаю, это некоторое преувеличение?

Флоренс скрестила руки на коленях. Она давно знала профессора Ловелла и понимала, что спорить с ним бесполезно. А она до сих пор ясно помнила монахинь в больнице и то, как она то приходила в себя, то снова теряла сознание. Будто сквозь туман до нее доносились голоса монахинь, тихонько переговаривавшихся по-итальянски и пытавшихся понять, католичка ли эта синьора и хотела ли бы она, чтобы над ее телом были произнесены молитвы, поскольку пребывать на этом свете ей явно осталось недолго.

– Пожалуйста, простите. Мне жаль, что так получилось. – Спорить с Джорджем, когда он был в таком настроении, не стоило. – Моей матери исполняется восемьдесят лет. Я просто обязана присутствовать на семейном торжестве.

– Гм-м-м. – Профессор Ловелл кивнул. – Ну да, пожалуй. Но, профессор Винтер, мы с профессором Коннолли вот о чем говорили на днях...

При упоминании имени Питера Флоренс едва заметно улыбнулась.

– Это была его идея, и, наверное, сейчас самое подходящее время, чтобы спросить вас...

Не желаете ли вы немного отдохнуть?

Уж не сошел ли профессор Ловелл с ума?

⁴² «Да», «аллю», «слушаю» (итал.).

⁴³ Входите, синьора (итал.).

– Об этом я и веду речь. Да. Три дня в ноябре.

– Нет, Флоренс. – Рука профессора решительно легла на крышку старинного письменного стола. – Я имею в виду семестр. Или пару семестров. Чтобы у вас было время поразмыслить над своими планами. – Он старался не встречаться с Флоренс глазами. – Вы у нас женщина занятая – особенно теперь, когда появилась работа для Курто.

Слово «Курто» он произнес так, как мог бы произнести «злокачественная опухоль» или «нацист».

Флоренс озадаченно воззрилась на профессора.

– Как же... Мне нужно закончить доклад «Беноццо и идентичность» для конференции в декабре – вряд ли вы об этом забыли, Джордж. И моя книга... мне еще много предстоит прочесть, чтобы закончить ее. Очень много.

Профессор Ловелл насмешливо хохотнул.

– Ваша книга? Ну да, конечно.

– Безусловно, она не того уровня, что книга Питера... – начала Флоренс.

Джордж фыркнул. «Ну, ясное дело, не того уровня», – подумала Флоренс.

– Тем не менее она важная. А курс весенних лекций... Мне нужно всего лишь три дня в следующем месяце, а вовсе не два семестра.

– Так... – Джордж Ловелл откинулся на спинку рабочего стула и опустил руки на подлокотники. На его гладкой желтоватой лысине выступили капельки испарины. – Флоренс... я постараюсь объяснить. Мы полагаем, что вам пора сделать шаг назад, если можно так выразиться. Это не понижение в должности. И не связано с возрастом. Однако для выполнения учебной программы нам нужны лекторы с более широким подходом, поэтому...

– Что?

– Поэтому, – повторил Джордж, не обращая внимания на Флоренс, – профессор Коннолли назначил доктора Талиту Лиф ассистентом на факультете искусствования. Я уверен, что вы с ней прекрасно работаете. Талита очень талантлива и энергична. Она специализируется на творчестве Филиппо Липпи и Беноццо Гоццоли...

Флоренс ощутила себя Алисой, свалившейся в кроличью нору и угодившей в мир, лишенный всякого смысла.

– Но... но это же моя специализация! – Она показала вверх, за спину профессора Ловелла. – Посмотрите! Посмотрите на книгу позади вас, на полке. «Исследование работ Беноццо Гоццоли и Фра Филиппо Липпи, под редакцией профессора Флоренс Винтер». Вот почему я у вас работаю, Джордж. Вам не нужна никакая... Табита Лиф. Я...

– Талита Лиф, – поправил ее Джордж неизвестно зачем.

Флоренс прищурилась, пытаясь мыслить четко. Так вот, значит, в чем дело. Уволить ее из-за возраста они не могли, потому что в прошлом году пытались избавиться от Рут Уорбойз и взять на ее место двадцатичетырехлетнего мальчишку с прилизанными волосами и аккаунтом в Твиттере. А Рут наняла адвоката и устроила руководству показательную порку. С тех пор про двадцатичетырехлетнего сосунка никто слухом не слыхивал. Профессор Ловелл питал слабость к молодым блондинам-англосаксам, Флоренс это отлично знала. Они с Джорджем учились в Оксфорде в одно время, и она помнила, как однажды он явился на торжественный обед⁴⁴ с подбитым глазом – свидетельством неправильно понятых намеков со стороны одного из членов студенческого хорового общества Королевского колледжа. Джордж порой рисковал слишком опрометчиво. Флоренс давно заметила, что это свойственно непривлекательным мужчинам.

Но девицы, девицы вроде этой Талиты... Талита, да?.. Лиф не входили в сферу его интересов. Что-то здесь не так.

⁴⁴ Давняя традиция Оксфорда – торжественные студенческие обеды со строгим дресс-кодом.

– Мы это долго обсуждали с профессором Коннолли. К тому же мы учитываем вашу дополнительную нагрузку в Курто, не говоря уже о вашей склонности часто ездить на различные конференции, а также ваше... *поведение*. Словом, все это в совокупности смотрится не в вашу пользу.

Профессор Ловелл поерзал на стуле.

– Мое поведение? – озадаченно переспросила Флоренс.

– Будет вам, Флоренс. Вы понимаете, о чем я.

– Нет, не понимаю. – Флоренс вздернула подбородок.

– Вы немного... непредсказуемы. Особенно в последнее время. – Джордж постучал кончиками пальцев по кадыку. – О вас ходит много слухов, различных инсинуаций... ну, и так далее.

– Инсинуаций? – Флоренс показалось, что ее тело изнутри наполняется водой, начала кружиться голова. – Прощу вас, Джордж, растолкуйте. Боюсь, я понятия не имею, что вы имеете в виду.

Профессор Ловелл оскалил зубы в улыбке.

– Будет вам, Флоренс. Факты, связанные с вашей нагрузкой, говорят сами за себя. – И добавил, явно стараясь смягчить тон: – Видимо, вы переутомились, моя дорогая.

– А у Питера не слишком большая нагрузка? – требовательно спросила Флоренс. – После выхода книги и телесериала он здесь почти не бывает. И ошибки делает. А я ошибок не делаю. Вряд ли я заслуживаю увольнения – притом что ваш заведующий кафедрой вообще решил стать медийной персоной.

– Это совсем другое дело! – пискляво воскликнул Джордж. – «Королева красоты» – настоящий хит. Важность того, что Питер стал... как вы изволили выразиться, «медийной персоной», для нас неоценима.

– Да он даже дату «Костра тщеславия»⁴⁵ точно не назвал! – проговорила Флоренс, всеми силами стараясь не повышать голос. – Он участвовал в какой-то дурацкой утренней программе Би-би-си и не мог сказать, когда произошло самое значительное из печально известных событий Ренессанса!

– Оговорка, не более того, – раздраженно парировал Джордж. – Прямой эфир, Флоренс. В книге ведь все указано верно, не так ли?

– Ясное дело, в книге все верно! – прокричала Флоренс и заставила себя замолчать.

Они с Джорджем уставились друг на друга широко раскрытыми глазами.

«*Не говори об этом. Не стоит*». Флоренс прикусила язык.

– То, чем занимается Питер, – это будущее, Флоренс. А то, что вы каждые два месяца летаете в Лондон, где делаете доклады по своим изысканиям в Курто, не очень-то работает на общее дело, вам не кажется?

Как только стало известно, что Флоренс взяли на работу в институт искусств Курто, просочились и слухи о том, что профессор Ловелл одновременно с ней подал документы на замещение той самой вакантной должности, но ему отказали. Его специализация – Холман Хант⁴⁶ – вышла из моды. Флоренс Ханта терпеть не могла, и ее весьма радовало то, что Джордж не мог понять, почему, кроме него, больше никто не интересуется гиперреалистичными морализаторскими изображениями символических козлов, падших женщин и отвратительных розовых и голубых младенцев.

⁴⁵ Костер тщеславия (итал. *falò delle vanità*) – сожжение светских книг («Декамерон», Овидий и др.), музыкальных инструментов, игральных карт и костей, парфюмерных продуктов, богатых нарядов и зеркал, конфискованных у граждан Флоренции по указанию религиозного реформатора Джироламо Савонаролы. Самая пышная церемония такого рода была проведена на городской площади в Жирный вторник 7 февраля 1497 года.

⁴⁶ Уильям Холман Хант (1827–1910) – английский живописец, один из основателей Братства прерафаэлитов.

Ситуация была совершенно прозрачной: «клуб старых приятелей» смыкал ряды. Флоренс отлично понимала, что натворит, сколько наделает бед, если только выпустит все свое безумие на волю. А она уже чувствовала, как в ее сознании формируются фразы:

«Вам прекрасно известно, что большую часть книги Питера за него написала я. И если я решу кому-нибудь рассказать об этом, грянет такой грандиозный скандал, что колледж могут и закрыть».

И все же она не могла этого сделать. Не хватало храбрости. Или хватало?.. Сейчас бы выпить кофе. После кофе она всегда соображала лучше.

Флоренс сидела молча, понуриив плечи и почти обмякнув на стуле с высокой спинкой. Сидела и слушала негромкий, четкий голос Джорджа.

– Срочности нет. Желательно, чтобы перемены произошли в январе две тысячи тринадцатого года. У доктора Лиф свадьба в Рождество, и работу здесь она начнет с нового года. Она бы очень хотела познакомиться с вами и разработать программу, согласно которой вы вдвоем...

Флоренс резко встала.

– Который час? Мне пора идти. Извините, у меня встреча с... – она подняла глаза к потолку, стараясь говорить спокойно и ровно, – ...с дератизаторами. В доме завелись крысы. Ладно, Джордж, я подумаю о том, что вы мне сказали, и зайду попозже.

Профессор Ловелл выпятил пухлую нижнюю губу.

– Если не зайдете, я вам позвоню.

Флоренс сжала дрожащими пальцами дверную ручку и сделала глубокий вдох.

– Безусловно, мы еще поговорим. И предупреждаю вас: я буду очень старательно защищать свои права. Кстати, в вашем письменном столе завелись жучки-древоточцы. Всего хорошего.

Флоренс даже смогла весело кивнуть Джорджу на прощание.

Она бежала, пока совсем не выбилась из сил. Только на другом берегу реки Флоренс остановилась и осознала, что дрожит с головы до ног. Ссориться она не любила почти так же сильно, как не любила мышей. Именно поэтому отказалась от преподавания и занялась наукой – только ради того, чтобы с опозданием понять, что мир науки очень похож на Флоренцию четырнадцатого века, что и здесь царят междоусобица, коварная политика и молчаливое предательство. Чем дальше, тем сильнее в последнее время она вспоминала свое детство рядом с Дейзи – игру, правил которой она не знала и не могла угадать. Но флорентинцы хотя бы время от времени убивали друг дружку во время мессы, чтобы воздух стал чище. Это было куда более честно, чем потаенная агрессия и скрытое напряжение, которые мучили Флоренс точно так же, как ожидание любого из маленьких злобных замыслов Дейзи.

Талита Лиф. Что это за имя? Флоренс с дрожью размышляла, уместно ли расспросить о ней Питера.

– О, Питер, – произнесла Флоренс вслух и шаркнула подошвой изношенной туфли по древней мостовой. Каждый крошечный момент того жаркого лета запечатлелся в ее сознании фотографией из курортного альбома, и любой снимок она могла при желании увидеть, а желание приходило часто. Думая о Питере, о том, что было между ними, она всегда чувствовала себя самой обычной женщиной. Рядом с ним ей нравилось вести себя так, словно все хорошо, а особенно – когда рядом были другие люди. Мысль о том, что о них могут сплетничать, будоражила ее. *«Профессор Винтер и профессор Коннолли?»* – *«О да. У них явно был летний роман несколько лет назад».* – *«Он по ней с ума сходил, я слышала».*

Да, ей хотелось, чтобы люди о ней думали именно так. Флоренс Винтер: выдающийся ученый, страстная любовница, умная и энергичная современная женщина.

Что-то прикоснулось к ее бедру. Флоренс вздрогнула, но тут же поняла, что это ее собственный палец – в кармане юбки обнаружилась дырка. Флоренс почесала кожу ногтем. Ноги у нее были волосатые; она не могла вспомнить, когда в последний раз их брила. А вдруг бы она встретила Питера, прямо здесь, идущего по улице, как в тот день в январе. Он шел ужинать к своим друзьям в Ольтрарно⁴⁷. Их звали Никколо и Франческа, Флоренс запомнила имена. А вдруг бы они заговорили, и она пригласила бы его на бокал вина. И они бы потом сидели на террасе на крыше – крошечном пятачке размером с одеяло для пикника – и смотрели бы на «Торре Гуэльфа»⁴⁸ и Арно. И смеялись бы над Джорджем и его похождениями, как это было раньше, до того как Питер начал охладевать к ней и ее стесняться. И он мог бы положить руку ей на колено, когда она сказала бы что-то смешное, и расхохотался бы. «О, Фло». Раньше он частенько называл ее «Фло», и это напоминало ей о родном доме. «Я скучаю по тебе. А ты?»

«Иногда», – ответила бы она, чуть лукаво улыбнувшись.

А он, наверно, взял бы ее за руку и повел в спальню, и снял бы с нее одежду, и они бы предались любви в теплой комнате со стенами цвета терракоты, и звенели бы колокола вдалеке, и шуршали бы простыни, их лица порозовели бы, а глаза сияли бы от радости... И если бы все это случилось, ему ведь было бы все равно, бритые у нее ноги или нет, верно? Раньше ему было все равно. Так хорошо было раньше, так...

Флоренс запрокинула лицо к синему небу в обрамлении черных сумрачных домов и прижала ладони к пылающему покрасневшему лицу. На ее губах играла тайная улыбка.

Кто-то рассмеялся, и Флоренс почти удивленно обернулась. На нее тарачились две старые девы. Явно туристки и явно англичанки. Флоренс торопливо пошла дальше.

Верхний этаж старинного палаццо на Виа дель Сапити теперь был поделен на квартиры. Квартира Флоренс некогда служила дожу спальней, и когда Флоренс обосновалась здесь десять лет назад, в квартире находилось несколько предметов мебели, о происхождении которых Джулиана, хозяйка квартиры, ничего не знала. Флоренс нравилось думать, что эти вещи просто-яли здесь несколько столетий, что какой-нибудь вельможа-злоумышленник прятал письма в свадебном сундучке, а под большим деревянным креслом у него лежал нож.

Тяжелая дверь, закрывшись, сразу отделила ее от внешнего мира. Голова слегка кружилась, нужно было выпить кофе. Флоренс вошла в крошечную кухню. Здесь имелась газовая горелка с пьезоподжигом и несколько запыхавшихся коробок с пастой и томатным пюре. А еще, как ни странно, на подоконнике стоял горшок с пышным кустиком базилика. Совсем как в истории Боккаччо об Изабелле и горшке с базиликом, который, увы, всегда напоминал Флоренс о еще одной жуткой картине Холмана Ханта⁴⁹. Как же это типично для человека типа Джорджа! Неужели можно жить здесь, посреди великих произведений искусства, и продолжать восторгаться Холманом Хантом?

Флоренс поставила на газовую горелку старую, обшарпанную кофеварку «Bialetti» и запахнула покосившиеся двери, ведущие на террасу. Она с наслаждением сделала глубокий вдох. Лучи золотистого вечернего солнца прикоснулись к ее лицу. С улицы доносились голоса детей.

В такие мгновения она осознавала, как сильно ей здесь нравится. Солнце, запахи, ощущение того, что она жива... Впервые приехав сюда в отпуск – двадцать лет назад, – она не планировала оставаться. Однако здесь ее головной мозг работал так, словно именно тут его включали в правильную розетку. Как она тосковала по Италии, находясь в Англии, где сырость

⁴⁷ Ольтра́рно (*итал.* «За Арно») – исторический квартал Флоренции, находящийся на левом берегу реки Арно.

⁴⁸ Отель в центре Флоренции, расположенный в старинном палаццо.

⁴⁹ «Изабелла и горшок с базиликом» – картина британского художника Уильяма Холмана Ханта, написанная им в 1856 году. Картина изображает сцену из одноименной поэмы английского поэта Джона Китса на сюжет из новеллы о горшке с базиликом из «Декамерона» Боккаччо. Изабелла ласкает горшок с базиликом, в котором она закопала отрезанную голову своего любовника Лоренцо.

и серость пробирали до костей и все время казалось, что промокли ноги! Она не хотела, чтобы у нее, как у отца, руки искорежил ревматизм, не хотела быть бледной и страдающей по яркому солнцу или, как мать, закрыться от большого мира. Именно здесь Флоренс узнала, кто она такая.

В ожидании, пока закипит кофеварка, Флоренс положила на стол книги, которые принесла домой, и стала рассматривать репродукцию фриза «Поклонение волхвов»⁵⁰, которую она много лет назад прикрепила к стене. Вспомнился разговор с Джорджем. Флоренс не отличалась быстротой реакции. Ей всегда нужно было уединиться и обдумать полученные сведения.

Ладно, если придется – уедет. И почему она прилипла к этому второсортному колледжу и терпит унижения от мужчин, которые в интеллектуальном плане ей в подметки не годятся? Почему это для нее так важно?

Впрочем, она прекрасно знала ответ. Из-за Питера. Она будет жить и работать здесь, пока здесь он. Как знать – вдруг в один прекрасный день она ему снова понадобится? Порой Флоренс гадала, не сама ли она избрала Питера чем-то вроде мотора, благодаря которому она двигалась вперед – а теперь уже слишком поздно признаваться в том, что она ошиблась в выборе.

Флоренс смотрела на припиленные к стене картины и искала в них какую-то подсказку. Ее взгляд упал на единственную картину в раме – репродукцию любимой картины отца, «Благовещение» Фра Филиппино Липпи. Каждый год в день ее рождения они с отцом ходили смотреть на эту картину. Флоренс внимательно изучала спокойное, прекрасное лицо ангела. Что-то очень важное, спрятанное в глубине ее сознания, стремилось к поверхности усталого мозга. Мысль, воспоминание, нечто, нуждавшееся в спасении... Флоренс еще внимательнее вглядывалась в лицо ангела, в луч света на животе Марии.

Что происходит?

Кофеварка, стоявшая на газовой горелке, затарахтела, черная жидкость полилась через край. Флоренс налила себе кофе. Едва она сделала первый обжигающий глоток, как в дверь позвонили. Звук звонка был таким пронзительным и неожиданным, что Флоренс вздрогнула, чашка в ее руке качнулась и кофе пролился на пол.

– Черт побери, – пробормотала Флоренс еле слышно и пошла к двери.

Ее эксцентричная домохозяйка имела обыкновение выжидать полчаса после возвращения Флоренс с работы, а затем являться и требовать что-то перевести, или что-то объяснить, или рассказать о своем споре с кем-то по какому-то поводу.

Но это оказалась не Джулиана. Открыв дверь, Флоренс окаменела.

– Флоренс, привет. Так и думал, что ты дома.

– Питер? – Флоренс ухватила за ручку двери. Неужели она вызвала его сюда силой мысли? И настоящий ли он? – Что ты здесь делаешь?

– Мне нужно было увидеться с тобой. Можно войти?

Она знала его в совершенстве. Каждый дюйм поверхности его тела давно запечатлелся в памяти, потому что столько лет она то и дело вспоминала его и мечтала о нем. Часто – как сейчас – ее удивляло, что он одет в незнакомую ей одежду. Стоя на пороге, Флоренс улыбалась Питеру, слушала поскрипывание его новых туфель и вдыхала еле ощутимый аромат лосьона после бритья.

– А я только что пила кофе.

– Конечно, понимаю.

Он едва заметно улыбнулся.

Она покраснела. Он знал ее лучше всех.

Питер кашлянул.

⁵⁰ Возможно, имеется в виду барельеф на стене баптистерия в Парме.

– Я хотел с тобой поговорить. У тебя есть что-нибудь выпить? В смысле вино?

– Конечно. – Флоренс сунула руки в карманы, чтобы перестать комкать в пальцах ткань юбки, и прошла в кухню. – У меня есть прекрасное вино «Гарганега» – такое мы...

«Такое мы с тобой пили в «Да Гетта» в тот вечер, когда ты ел ягнятину, а я телятину. Мы много выпили, а потом поспорили насчет Уччелло и впервые поцеловались. Ты был в галстуке с маленькими лилиями, а я – в синем сарафане».

– О, замечательно. Спасибо. Фло, старушка, ты уж прости, что я вот так к тебе врываюсь. – Питер вошел следом за Флоренс в кухню и растерялся. – Господи, как давно я тут не был! Милое у тебя местечко. Как говорится...

Он смешливо фыркнул, она тоже – почти не веря в происходящее. Неужели это явь, а не ее старательно выстроенная фантазия? *«Этого не может быть! Неужели я окончательно сошла с ума?»*

Некая часть Флоренс осознавала, что верить Питеру нельзя. И тем не менее она была убеждена, что он до сих пор питает к ней какие-то чувства. Даже если бы он сейчас вlepил ей пощечину, или объявил, что уже десять лет женат, или попросил стать крестной матерью его ребенку, даже если бы он нагло помочился на пол, она все равно отметила бы, что он здесь побывал, и смогла бы добавить свежие воспоминания в мысленный фотоальбом. *«На самом деле, – лихорадочно думала она, бережно подтолкнув Питера к выходу на крошечную террасу, – ничто из того, чем я владею, о чем думаю, не значит для меня больше этого самого мгновения».*

Питер сел в глубокое кресло и подтянул под себя длинные ноги. Флоренс водрузила на столик старые поцарапанные стаканы и протянула гостю миску с оливками. Он взял одну, пожевал и выбросил косточку на улицу.

– Треклятые туристы, – проворчал Питер, и стрекотание японцев на улице мгновенно стихло.

Флоренс протянула ему стакан.

– Salute, – сказала она.

– Salute, – ответил Питер и чокнулся с Флоренс. – Рад тебя видеть, Фло.

– И я рада, Питер. В последнее время мы отделились друг от друга.

– Я тебя вчера искал. Хотел спросить про надписи в Санта-Мария-Новелла⁵¹.

– Вот как? Мог бы позвонить.

Ей хотелось говорить и выглядеть убийственно. Хотелось быть в его глазах успешной независимой женщиной, живущей собственной жизнью, но при этом всегда ждущей встречи с ним.

– Да. Пожалуй, надо было позвонить.

Потом наступила тишина. Флоренс просунула палец в дырку в кармане юбки, выгнула спину и подумала – не стоит ли удалиться на несколько минут, чтобы побрить ноги. «Будь готов – всегда готов!» – с этим девизом жил ее брат Билл, завязанный скаут. К этому девизу он пытался приучить своих безалаберных сестер. Тщетно.

Послышался колокольный звон, вдалеке стих вой полицейской сирены. Флоренс вдохнула вечерний воздух, пропитанный запахом бензина и ароматом сосен.

– Я тоскую по тебе, – сказала Флоренс через некоторое время. – Прости. Я знаю, что происходит разное другое, но... Я скучаю по тебе. Жаль, что...

Она потянулась к Питеру и прикоснулась к его руке.

И словно бы сработал выключатель. Питер запрокинул голову и резко повернулся к Флоренс.

⁵¹ Базилика Санта-Мария-Новелла (итал. *Basilica di Santa Maria Novella*) – церковь во Флоренции, Италия, находится на одноименной площади в непосредственной близости от центрального городского вокзала, носящего ее имя.

– Я как раз об этом. Вот почему мне нужно поговорить с тобой. Это должно прекратиться.

– Поговорить со мной... о чем?

– О тебе. О тебе... и обо мне. О твоей безумной идее, что между нами что-то есть. – Улыбка сошла с лица Питера, его взгляд стал сердитым. Он наставил на Флоренс палец. – Намеки, инсинуации. Я знаю, ты сказала парню из Гарварда, что у нас с тобой был роман. Господи боже, Флоренс! А группа, посещающая семинар по изучению эпохи Возрождения? Один из студентов спросил меня, правда ли это. Послушай, я на тебя в суд подам за клевету!

Флоренс с силой потянула себя за кончики прядей волос.

– Я... что ты сказал?

– Ты отрицаешь это?

– Я ни разу никому не рассказывала об этом, никому – о наших отношениях! Питер, как ты мог!

В голосе Питера зазвучала насмешка.

– Какие отношения?! – Он залпом допил остатки вина. – Флоренс, было всего три ночи. Четыре года назад. Не говори глупостей. Это не отношения.

– *Четыре*, – дрожащим голосом произнесла Флоренс. – Ночей было четыре. И ты говорил... говорил, что любишь меня.

– Нет! *Не говорил!* – Питер вскочил, покраснев от гнева. – Когда ты наконец избавишься от своих жалких фантазий, Флоренс? Я знаю, чем ты занимаешься. Делаешь намеки, киваешь и улыбаешься, произносишь туманные неоконченные фразы, и люди верят, что что-то действительно было.

– Я никогда... ничего подобного!

Питер утер платком губы, глядя на Флоренс с отвращением.

– Ты сказала Анджеле, что видела мою спальню, но больше ничего говорить не вправе. Ты сказала Джованни, что мы собирались *пожениться!* И попросила его об этом молчать. А он мне потом позвонил и спросил, правда ли это! Ты должна это прекратить, это... – Питер огляделся по сторонам в поисках нужного слова и покачал головой. – Это чушь! У нас было три... ну хорошо, *четыре* ночи. Вот и все. Понятно?

Наступила жуткая пауза.

– Ты точно говорил, что любишь меня! – пробормотала Флоренс.

Питер наклонился ближе к ней. На его нижней губе белел сгусток слюны.

– Одна фраза после моря вина – против четырех лет безразличия! И ты предъявляешь мне обвинения на основании *этого?* Не выйдет. – Он помахал длинными тонкими руками перед ее лицом. – Да ты хоть отдаешь себе отчет, как жалко ты выглядишь?

Флоренс встала – словно бы для того, чтобы размяться. Она сделала глубокий вдох и бережно погладила руку Питера.

– Питер, перестань злиться. – Ей нужно было оправдаться, следовало убедиться в том, что после его ухода все будет хорошо. – Прости, что рассердила тебя. Явно некоторые люди... меня неверно поняли, вырвали сказанное мной из контекста. – Она посмотрела на Питера сверху вниз и поправила очки на переносице. – Ну, так о чем ты хотел со мной поговорить? Или действительно об этом?

– Об этом, да. И еще кое о чем. Наверное, ты согласишься, что все на свете взаимосвязано, – с пафосом произнес Питер, глядя на Флоренс, впрочем, с некой неуверенностью.

И она поняла: пусть ненадолго, но перевес вернулся на ее сторону. Он боялся женщин – малопонятной группы людей с молочными железами, гормонами и менстругациями.

– Хорошо, выпей еще вина, – сказала Флоренс, вернулась в кухню и взяла со стола бутылку.

– Ради бога! – Густые брови Питера вдруг задрожали от возмущения. – Нет, серьезно, ты не понимаешь, о чем речь? Прекрати немедленно все выворачивать по-своему! Просто выслушай меня.

– Черт побери, Питер, какой же ты грубиян, – проговорила Флоренс, стараясь, чтобы ее голос звучал легко и весело. – Почему ты так ведешь себя – потому что стал большой звездой, да? И не хочешь, чтобы тебе напоминали о прошлых ошибках? Об ошибках, Питер. Ты же совершал ошибки, правда?

– Что это значит? – Питер опасливо уставился на Флоренс.

Они никогда не говорили о том, что она сделала для него. Однако сейчас Флоренс была настолько сильно расстроена, что слова сами начали слетать с языка.

– Ты отлично понимаешь, что это значит. Напомни-ка мне, сколько недель «Королева красоты» держалась на первом месте рейтинга?

– Заткнись.

– А сколько издатели предложили тебе за новую книгу? – Вопросы, пропитанные горечью, помимо воли покидали губы Флоренс. – И что ты им ответил, когда они потребовали книгу, *такую же хорошую, как предыдущая*? Ты ответил, что тебе придется попросить *меня* написать эту новую книгу! Так?

– Понятия не имею, о чем ты, – прошипел Питер, выпучив глаза. Его лицо побледнело, несмотря на загар.

Флоренс расхохоталась. Она была вне себя от злости, и ей уже было все равно, чем закончится разговор.

– Между прочим, меня Джим так и спросил – не я ли написала эту книгу. Вот просто взял и спросил.

– Джим? Какой Джим?

– Джим Бакстон. Из института искусств Курто.

– О, перестань. Он идиот. Все, что Джим Бакстон знает об эпохе Возрождения, можно на спичке написать.

– Он знает меня. И он сказал: по стилю сразу ясно, что книгу написала я, а не ты.

– Это потому, что он переспать с тобой хочет. Он всегда был чудаком.

Питер смотрел на Флоренс с отвращением, а она едва удерживалась от смеха. Его неприязнь к ней выглядела просто карикатурно.

– Джим не... – Флоренс обхватила себя за плечи длинными руками. – Как бы то ни было, он четко и ясно спросил меня, не я ли писала эту книгу. Он сказал, что стиль явно мой, что это легко определить, если ты читал другие мои работы.

Питер Коннолли рассмеялся.

– Ты жалкая!

– И вовсе я не жалкая, – с усмешкой ответила Флоренс, почти обретя уверенность. Питер не имел права так с ней обращаться, не имел права ее отталкивать. Он должен был понять, что она готова ради него на все и что она уже отдала ему все. – Ты слишком многим мне обязан. Но видишь ли... я не возражаю. – Она пошла к нему. Верно ли она рассчитала момент? – Мне это нравится.

Она пристально всмотрелась в его лицо, в умные темные глаза, в пухлые губы с опущенными уголками.

– О господи... – вырвалось у него.

– Понимаю, – кивнула Флоренс. – Теперь мы квиты, да? Милый, для тебя я готова на все.

Однако он отстранил ее. На самом деле не отстранил, а оттолкнул. Ее словно силовым полем отнесло назад, и Флоренс ухватилась за ржавый поручень террасы.

– Боже, – повторил Питер. Страшно было смотреть на его искаженное отвращением лицо. – Ты не понимаешь, да? Нет, ты ничего не понимаешь!

– Чего я не понимаю? – спросила Флоренс, тяжело дыша. Опять он заговорил с ней голосом, похожим на палец, которым кто-то тебя толкает в спину, когда ты стоишь на самом краю пропасти.

– Чего? Да того, что через несколько недель я женюсь. Разве Джордж не сказал тебе? До приезда Талли мы должны реорганизовать кафедру, и нам с тобой надо обсудить, как лучше это сделать. – Его тон стал более примирительным. – Послушай, раньше мы хорошо работали вместе... вот почему я подумал, что отпуск на пару семестров мог бы пойти тебе на пользу. Чтобы и ты, и Талли привыкли к новой ситуации.

– Талли? – непонимающе произнесла Флоренс.

– Доктор Талита Лиф.

– Ты женишься на... *ней*?

– Да. На ней.

Питер смотрел на нее с опаской.

– Ты не сможешь, – услышала собственный голос Флоренс.

– Что?

– Если ты женишься на ней... я... я всем скажу, что «Королеву красоты» написала я. Я засужу тебя, Питер. Тебя и издателей.

– Не получится.

Он откинулся на спинку кресла и презрительно расхохотался, словно она была никчемной вошью, недостойной его высокого внимания.

– Чушь!.. Послушай, Талли сейчас в Сорбонне. Скоро ты с ней познакомишься. Тебе просто надо привыкнуть к этой мысли и понять, что твоя преподавательская нагрузка несколько изменится... После нашей свадьбы Талли переедет во Флоренцию, и, конечно же, Джордж любезно согласился помочь ей освоиться здесь, а это значит... – Он не договорил. – Флоренс. Флоренс!

Флоренс быстро прошла по квартире к тяжелой старинной двери. Отперла дверь.

Питер не спускал с нее глаз.

– Нет. Ты не смеешь так со мной обращаться, – сказала она четко. – Этому конец.

– О, перестань! И не вздумай убежать, как ты всегда делаешь, когда...

Питер в отчаянии вскочил с кресла, но Флоренс уже переступила порог и с такой силой захлопнула дверь, что показалось, будто весь дом задрожал. Она сбежала по лестнице, проскочила мимо старого синьора Антонини и его маленькой старушки жены и мимо Джулианы, которая громко подвывала какой-то итальянской попсовой песенке. Выбежав из двери старинного палаццо, Флоренс помчалась по улице, не замечая, что выскочила из дома босиком, и теперь по ее пяткам больно били булыжники древней мостовой. Волосы развевались у нее за спиной. Она миновала Порта Романа – старинные ворота на южной границе города. Солнце уже село, цвет неба стал лавандово-синим, в просветах между тучами сияли золотистые звезды.

Она бежала, и вдруг к ней явилось странное воспоминание: тот день, когда Дейзи пришла ее к стенке и шепотом вылила в ушки младшей сестры грязный поток лжи про отца, про всех Винтеров, про все, во что верила Флоренс.

Тогда Флоренс тоже убежала – через лес перед домом. Этим лесом порос холм, через него дорога вела в деревню. Колочки ранили худенькие ноги, но она бежала и бежала. В конце концов она добежала до церкви и рухнула на землю на кладбище – спряталась за надгробьем, изображавшим фигуру ангела. Ангел стоял над могилой ребенка, умершего много лет назад.

Флоренс было девять. Она еще ни разу не уходила так далеко от дома и не знала, как вернуться назад.

Нашел ее отец ближе к вечеру. Флоренс сидела, подтянув коленки к подбородку, и тоненьким голоском пела песни Гилберта и Салливана, чтобы не слышать, как стучат зубы в

холодных весенних сумерках. Отец присел на корточки и положил испачканную чернилами руку на голову каменного ангела.

– Кто это тут у нас? Моя малышка Фло? – Его голос звучал весело, но немного напряженно. – Детка, мы тебя искали. Нельзя так убежать.

Флоренс уставилась на лишайник на старом камне.

– Дейзи сказала, что вы – не мои мама и папа.

Дэвид перестал гладить ее по голове и в удивлении замер.

– Что она сказала?

– Она сказала, что вы – не мои мама и папа, что мои настоящие мама и папа от меня отказались и поэтому я не такая, как все вы.

Отец бочком, словно краб, придвинулся к ней.

– Милая моя... Ты ей поверила? И поэтому убежала?

Флоренс кивнула.

Потом отец долго молчал, и Флоренс испугалась. Ей стало намного страшнее, чем тогда, когда Дейзи говорила ей все эти страшные слова. Она боялась, что отец скажет: «Да, это правда. Я не твой папа».

Она до сих пор помнила то чувство, ту черную дыру страха – сейчас у нее отнимут человека, которого она любила больше всего на свете. Страх, что Дейзи права.

Отец обнял ее и прижал ее голову к своей груди. Флоренс услышала, как часто он дышит. И затаила дыхание. «*Пожалуйста. Пожалуйста, пусть это не случится. Пожалуйста...*»

Прошло несколько мгновений, и он прошептал ей на ухо:

– Какая чепуха! Ты же знаешь: ты намного больше моя дочь, чем она. Только не говори никому, что твой старый папа сказал такое, ладно?

– Нет, не скажу, – отозвалась Флоренс и заговорщицки улыбнулась отцу.

А потом Дэвид протянул ей руку.

– Пойдем? Мама испекла лимонный пирог. Она ужасно волновалась за тебя. Мы все волновались.

Флоренс встала и отряхнула сырую черную землю с передника и колготок.

– Дейзи не волновалась. Она меня ненавидит.

– Только что умер Уилбур. Она очень сильно переживает. Давай все посочувствуем ей. У нее нет того, что есть у нас.

Единственный раз отец признал это по-настоящему, и Флоренс это запомнила навсегда.

– Пора возвращаться домой, Фло.

Они медленно пошли по дороге к Винтерфолду, а у ворот отец произнес:

– Пусть это все останется между нами, ладно? Ты будешь вести себя с Дейзи так, словно она ничего такого тебе не говорила. А если скажет что-то такое, пусть придет ко мне, и я ее приструню.

Флоренс кивнула. Когда отец сердился, его можно было испугаться. Флоренс потом гадала, не сказал ли он что-то Дейзи, потому что она пару месяцев к ней не приставала – до следующего раза, до случая с осиным гнездом. Флоренс едва не погибла, но она прекрасно поняла, что обвинить в случившемся Дейзи никак не выйдет. Дейзи была не дура. Она всегда точно знала, когда напасть.

Через какое-то время Флоренс остановилась и без сил рухнула на расписанную граффити скамью на старой площади. На этот раз никто за ней не придет и не заберет ее домой, не скажет, что все чепуха и вранье. Никто не скажет ей: «Все они ошибаются, а ты права».

Флоренс почувствовала, что отец сказал ей неправду. Дейзи в таких делах не ошибалась. И когда она больно схватила Флоренс за руку и прошипела: «Ты, убудочная сиротка, никому не была нужна, вот они и вытащили тебя из навозной кучи, младшая сестренка, а иначе оста-

лась бы ты в детском доме», Флоренс ей поверила. Она понятия не имела, откуда это известно Дейзи, но та знала, как находить потайные места, как подслушивать секретные разговоры и как хитро себя вести – так, чтобы добиваться желаемого.

И тут Флоренс, сидя на скамейке посреди пустых бутылок от воды «Peroni» и сигаретных окурков, под прохладным ветром, охлаждавшим вспотевшее тело, вдруг поняла, что теперь все точно так же, как было раньше. Она снова себя обманывала.

Фло сидела, обхватив голову руками, и думала о том, не всегда ли в глубине души она понимала, что в какой-то момент ей придется вернуться домой и вновь встретиться лицом к лицу с правдой.

Карен

– Привет, любимая. Прости, я задержался. Как твои дела?

– О, привет, Билл. – Карен не встала с дивана, на котором лежала и читала журнал – или делала вид, будто читает. Только вздернула бровь и перевернула страницу. – Как прошел день?

Ей не нужно было смотреть на мужа, наблюдать за его ежевечерним ритуалом. Она этот ритуал знала наизусть. Сначала Билл медленно оборачивал шарф вокруг перил лестницы. Всегда только один раз. Потом снимал пальто, аккуратно расстегивая пуговицы – раз, два, три. Потом легонько встряхивал пальто и, подцепив пальцем петельку под воротом, ловко вешал пальто на крючок. Потом откашливался и потирал руки. И его лицо всегда было добрым и полным надежд.

Как сейчас.

– Все хорошо, спасибо, любимая. Прости, что задержался. Миссис Дэвиш... у нее после падения все время дрожь. Я зашел к ней ненадолго, чтобы занести таблетки, и в итоге остался на чашку чая. Ну, а у тебя как дела?

– Так себе. Тоска.

– Жаль это слышать.

Билл взял почту со столика в прихожей и внимательно перебрал конверты. Карен молча смотрела на него.

В последнее время их брак держался на молчании. Чем дальше, тем больше. О самом главном они молчали, а говорили о сущей ерунде.

Через минуту-другую Билл оторвал взгляд от распечатки с банковской карты и нахмурился. Карен прекрасно понимала: пытается вспомнить, что она ему сказала, поймать ускользнувшую нить разговора и не сбиться в танце.

– И что случилось? Что-то по работе?

Карен пожала плечами.

– В следующем месяце ожидаются сокращения.

Глаза Билла на миг сверкнули, он встретился взглядом с женой.

– Ты опасаясь? Да нет, наверняка нет, ты сделала великолепный обзор.

Карен была не в том настроении, чтобы соглашаться с мужем.

– Сделала – четыре месяца назад, Билл. Компания большая, все быстро меняется. Ты не... – Она прижала ладони к щекам. – Да нет, ничего. – Она понимала, что ее голос звучит истерично. Порой ей казалось, что от всего этого она сойдет с ума. – Голова начинает болеть. Пожалуй, мне стоит прогуляться, подышать свежим воздухом. Я обещала заскочить к Сьюзен. Отнесу ей поздравительную открытку.

– О, вот как. – Билл положил небольшую стопку конвертов на бюро, подошел к дивану со стороны спинки и поправил одну из подушек. – Это хорошо.

– Что хорошо? – осведомилась Карен, снова взяв журнал.

– Что ты собралась навестить Сьюзен. Я рад, что вы снова дружите.

– В смысле, после того, как я ей волосы подпалила?

– Ну... просто хорошо, что у тебя в деревне есть подруга.

Карен устремила на мужа взгляд, наполненный удивлением и упреком.

– Послушать тебя, так это прямо большое достижение.

Билл отправился в кухню.

– Про достижение я не говорил.

Он никогда не поддавался на провокации. Карен это сводило с ума. Ей очень хотелось, чтобы он велел ей заткнуться и перестать быть такой стервой. Чтобы он схватил ее за плечи и рявкнул, что она нуждается в хорошей трепке. Чтобы он смахнул треклятые письма с гадкого

столика в холле, задрал ее юбку, швырнул на безупречно чистый бежевый диван, а потом они упали бы на пол, и их руки и ноги переплелись бы, а ее волосы растрепались, и они бы улыбались, а их теплые тела горели от ощущения наготы. Карен хотелось увидеть в Билле того мужчину, в которого она когда-то влюбилась – очаровательно неловкого, скрупулезного и доброго. Мужчину, который опоздал на их первое свидание, потому что по пути остановился, чтобы помочь молодой мамочке, у которой заглохла машина. Мужчину, который жил, чтобы помогать другим, который сам себя сделал незаменимым, который, говоря с дочерью, хохотал, как малыш, которому щекочут пятки, а на Карен смотрел так, словно она богиня, ожившая у него на глазах. Когда Билл находился рядом, все всегда было хорошо.

Карен поморгала, глядя в одну точку, и пошла следом за Биллом в кухню.

– Ну так как у тебя день прошел? – спросила она, чувствуя вину перед мужем и обязанность проявить внимание.

Билл устало потер пальцами глаза.

– О, все нормально. Приходила Дороти, у нее невесело... О, случайно встретился с Кэти! Она получила от мамы приглашение на фуршет в пятницу. Похоже, все в восторге от того, что в Винтерфолде снова устраивается праздник. Это очень мило.

Карен подошла к холодильнику.

– Ужин готов. Хочешь бокал вина?

Билл покачал головой.

– Для начала лучше бы чашку чая.

– Я чай не готовлю. Я открываю вино.

– Ладно, я тогда поставлю чайник, – невозмутимо отозвался Билл.

Карен налила себе вина, села и стала в уме прокручивать план на завтра. Ей нужно было рано встать и выехать восьмичасовым поездом из Бристоля в Бирмингем на конференцию. Деловой костюм висит в гостевой комнате. Сэндвичи, чтобы перекусить в поезде, лежат в холодильнике. Презентация защищена паролем и загружена на ноутбук. Замечания Рика распечатаны. Карен любила порядок. Любила и профессиональные вызовы, любила на них отвечать. Лайза, ее лучшая подруга из времен жизни в Фромби, всегда говорила, что Карен создана, чтобы иметь детей.

«Ты – самый организованный человек из всех, кого я знаю, – сказала она в последний раз, когда Карен ездила домой. – Ты бы отлично справлялась с... ну, пусть будет Меган, ладно? Ты бы отлично справлялась с детьми, хотя тебе пришлось бы не сводить с них глаз, все готовить утром. Ты бы знала, как это делается – одного засунуть в ванну, второму налить чай... Нет! Найелл, немедленно прекрати, чудище маленькое! Ты меня достал, слышишь?.. Правда, Карен, ты стала бы отличной матерью... Есть такие планы?»

Есть ли планы? Есть ли планы? Карен отлично запомнила пыливое, немного лукавое выражение лица Лайзы. Так смотрят на бездетных женщин все мамочки – так, словно бездетная подружка должна понять, каково это – иметь детей. Понять – притом что они и близко не догадывались, как это восхитительно, естественно и ответственно. Вскоре после этого разговора Карен уехала, однако никак не могла забыть тепла, создаваемого беспорядком и обилием случайного в жизни Лайзы. Ее бунгало у моря, горы сломанных игрушек и рваной, ненужной одежды. Жутковатые детские рисунки, раскиданные повсюду. Дурацкие магнетики на холодильнике, типа «Лучшая в мире мамочка», и всякое такое. Но при всем том это был дом – уютное, надежное и гостеприимное место. Раскладывая маленький обеденный стол, Карен размышляла о своей жизни с Биллом. Она не могла представить, каким образом любое число безруких кукол и деталей «Лего» сможет создать в их коттедже домашнюю атмосферу.

Родители Карен развелись, когда ей было десять лет. Она и ее мать с ума сходили по чистоте и порядку, и ничто не радовало их сильнее, чем возможность повозиться у плиты. После того как мать Карен, миссис Бромидж, в первый раз побывала в Винтерфолде – неза-

долго до свадьбы Карен и Билла, – по дороге домой она крепко сжала руку дочери. «Боже, камин! – проговорила она в тоске. – Неужели он их не нервирует? Это же горы пепла! Почему не купить электрический камин с эффектом угольков? Или не перейти на газ?»

Карен часто думала о том, что разница между ее миром и миром Винтеров состояла в том, что она предпочитала газовое отопление, а в Винтерфолде массу времени тратили на то, чтобы разводить и поддерживать огонь в огромном камине в гостиной. Но своей матери она об этом не сказала: следовало хранить верность этой странной семье, в которую ей предстояло войти. Тем не менее она заранее удостоверилась в том, что камин в доме Билла газовый.

«Новые коттеджи» представляли собой ряд из четырех богаделен рядом с церковью. Один из этих домиков Билл приобрел после своего развода. За пару месяцев до свадьбы Карен, по договоренности с Биллом, декорировала дом на свой вкус, чтобы он стал немного более современным – чуть менее похожим на жилище людей, которые надевали нейлоновые ночные сорочки и от которых пахло туалетной водой «Английская лаванда». Карен перевезла сюда свои вещи – те, которые не переехали раньше – из однокомнатной девичьей квартирki в Бристол. Хотя места для них фактически не было. В самый первый вечер в своем крошечном доме они ели готовую китайскую еду и запивали белым вином, сидя на одеяле, расстеленном поверх нового светло-кремового ковра, поскольку новый диван еще не привезли. Билл тогда сказал: «Если появится что-то еще или кто-то еще, придется нам поразмыслить о пристройках, да?»

Он произнес эти слова так, как умел только Билл – с легкой шутливостью, сдвинув брови, – и Карен не могла толком понять, насколько он серьезен. А когда полтора года спустя Карен сказала: «Я уже год не принимаю противозачаточных таблеток, Билл. . . Разве не странно, что ничего не происходит?», муж только улыбнулся и ответил: «Думаю, сразу не получится. Тебе тридцать один, а я стар. Мне уже пятьдесят!» И потом он постоянно повторял: «Сразу не получится». Со временем Карен смирилась – как смирилась с очень многим за время их супружества. Билл был закрытым, как двустворчатый моллюск. Совсем как его мать. Карен нравилась Марта, всегда нравилась. Но она ее не знала. Просто понимала, что за спокойным фасадом кроется что-то – какая-то тайная буря.

Чем дальше, тем больше Карен впадала в отчаяние. Чего только она не перепробовала, пытаясь вывести Билла из равновесия. Когда год назад она швырнула в мужа чайную кружку и осколок задел его лодыжку, Билл произнес: «Это небезопасно, Карен. Думаю, тебе не стоит делать так снова». Шесть месяцев спустя она убежала из дома из-за ссоры по поводу какой-то чепухи – сейчас она даже вспомнить не могла, из-за чего именно они тогда повздорили. Убежала и не возвращалась до утра. А Билл отправил ей первое эсэмэс ближе к ланчу:

«Ты не знаешь, где фонарик?»

Как можно быть таким инертным, таким безразличным? Это жутко бесило Карен. В первое время она еще пыталась изменить Билла. Затем отказалась от этих попыток.

Они ужинали молча, сидя друг напротив друга за маленьким столом. Билл ел медленно и методично. Каждый кусочек еды он поглощал так сосредоточенно, словно балансировал на канате. Порой это завораживало Карен. И когда из куриной котлеты «по-киевски» вылетела водянистая струйка масла с чесноком и угодила на салфетку, а не на рубашку Билла, Карен почти расстроилась.

Она промолчала – привыкла к такому. Прежде она пошутила бы по этому поводу, а теперь ей было легче невозмутимо продолжать есть – меньше разочарований. Они стали похожи на супружеские пары, которые Карен видела в отпуске, – на людей, которым нечего сказать друг другу. Карен стала предаваться раздумьям – о том о сем. . . Мысли метались. Если дать себе волю. . . Она живо представила себе разговор с мужем о сексе, как вдруг услышала его голос:

– Интересно, Дейзи приедет на это мероприятие?

– На какое мероприятие? – Карен часто заморгала.

Билл нацепил горошину на один зубец вилки.

– Мамин праздник. Интересно: вспомнит ли она вообще, что речь о юбилее – что ее матери исполняется восемьдесят?

Карен даже не знала, что ответить.

– Конечно, придет, она про такие вещи не забывает. К тому же ваша мама попросила всех присутствовать, верно? Я про ее странное приглашение.

– Не знаю, странное оно или нет. Типичная мама. Такое у нее необычное чувство юмора.

Карен сомневалась. На ее взгляд, тут было нечто иное, помимо своеобразного чувства юмора.

– Ну ладно. Так или иначе, я уверена: Дейзи появится.

Билл открыл рот и тут же закрыл, а потом медленно произнес:

– Ты ее не знаешь.

«*Он хочет об этом поговорить*», – поняла Карен.

– Зато я знаю, что вы все про нее говорите. Вернее – что вы все про нее не говорите. По крайней мере, Дейзи явно любит мать – и пусть она тебе и Флоренс не нравится.

– Конечно, она мне нравится. Она моя сестра.

– «Нравится» – неправильное слово.

Билл вздохнул.

– Я хотел сказать... что-то все-таки есть. Несмотря на все, что она натворила, я ее люблю.

Мы – одна семья.

– Так что же она натворила, конкретно?

Билл пожал плечами – совсем по-мальчишески.

– Ничего. Просто она не очень... – Он раздавил несколько горошин ножом. – Она вредная.

Карен хохотнула.

– Вредная! Что – прятала твои вещи и обзывала тебя вонючкой? Это не причина ее не любить, Билл!

– Она меня называла «Лили», – буркнул Билл, глядя в тарелку. – «Билли-Лили». Потому что она была Дейзи Вайолет, а второе имя у Флоренс было Роуз, и она говорила, что я – самая девчонка из всех. – Он потер пальцами глаза. – Но ты права, это глупо. Она не сделала ничего ужасного...

– А я думала, что она украла деньги у герлскаутов во время церковного праздника и купила на них травку.

– Ну да. – Билл потер кончиками пальцев переносицу. – Откуда ты знаешь?

– У меня свои источники информации, – пошутила Карен. – Люси сказала.

– А она откуда об этом знает?

– Твоя дочь знает все, – ответила Карен. – А еще она сказала мне, что Дейзи чуть было не устроила пожар в амбаре, когда курила косяк с каким-то парнем из деревни.

Билл несколько секунд пристально смотрел на жену, словно не мог решиться – продолжать разговор или нет.

– Ну... да, она немного баловалась с наркотиками до своего отъезда. И творила всякое. Я часто думал...

– О чем ты думал?

– Знаешь, если сказать об этом вслух, то это прозвучит довольно истерично. Я имею в виду события, которые я не в силах постигнуть разумом. А теперь, когда Дейзи превратилась в ангельскую персону, спасающую сироток и собирающую деньги на благотворительность, нам не позволяют говорить о ней плохо. – Он рассмеялся. – Только маме ни слова, ладно?

– Вы все ненормальные, – объявила Карен, взяв со стола тарелки и практически швырнув их на кухонный островок, за которым находилась кухня. – Почему вы храните молчание? То

есть почему она вообще уехала? Почему не видится с Кэт? Безумие какое-то. – Карен сама услышала надменные нотки в своем голосе – и чем дальше, тем больше их становилось. – И Кэт ненормальная, если на то пошло. Засела в Париже и никому не разрешает ее навестить – будто она прокаженная.

– Ничего подобного. Кэт иногда приезжает домой.

Карен знала, что Билл очень любит племянницу.

– Просто она очень занята.

– Она на цветочном рынке работает – чем же она так занята? Раньше была потрясающей журналисткой, писала о моде и тусовалась со всеми великими дизайнерами, и все такое прочее, – а теперь торгует растениями в горшках. – Карен понимала, что говорит жестокие слова, но ей ужасно хотелось хотя бы раз вытащить мужа из раковины спокойствия, чтобы он дал волю подавленным эмоциям. – Билл, она не была дома больше трех лет. Ты не задумываешься почему?

Но ее муж просто пожал плечами.

– У нее там был парень, Оливье. Похоже, какой-то ненадежный. Он уехал в Марсель, а собаку по кличке Люк оставил на попечение Кэт – так говорила мама. В общем, там все грустно, у бедолаги Кэт. – Билл подлил себе вина. – А этот Оливье – просто кошмар.

Карен поймала себя на том, что ей хочется заорать.

– Что это значит? Он был наркоман? Что ей пришлось пережить?

– Я не знаю, Карен, – ответил Билл печально. – Не знаю и поэтому чувствую себя паршиво. Я с ней не говорил. За всем не уследишь, верно? – Он потер пальцами лоб, уставился на скатерть. – Я тебе рассказывал про Люси? Она хочет обо всем этом написать какую-то статью для газеты. Типа «Семейные тайны Дэвида Винтера».

Карен не сразу сумела переварить эту новость.

– Ничего себе название...

Билл растерялся. Карен заметила, как печальны его глаза, и у нее больно кольнуло сердце.

– Ты же знаешь, каковы эти газеты. Они не меняются. Обожают вынимать скелеты из... отовсюду.

Карен зазнобило в теплой комнате. Она встряхнулась, чтобы прогнать дрожь. Билл сложил руки на столе перед собой и подался вперед.

– Я не хочу говорить ей «нет», и все же вряд ли идея хорошая – ворошить все это. Мама будет расстроена.

– Я никогда толком не могу понять, что ты имеешь в виду, – призналась Карен. – Если ты меня спросишь, я скажу: Дейзи эгоистка. Кэт тоже. Они могли вернуться, но не возвращаются. Что касается Флоренс, то она не от мира сего. А Люси... Ей пора всерьез задуматься о своей карьере. Она то и дело говорит, что хочет стать писателем, достичь большого успеха и всякое такое, но при этом она ничего не делает.

Близость Билла с дочерью вызывала у Карен раздражение, и обычно, когда они ссорились, ей хотелось уколоть мужа. Да, ее раздражало то, как они смеялись над одним и тем же, как у него загорались глаза, когда он видел отправленную ему Люси открытку, или голосовое сообщение, или комикс из «New Yorker». Люси жила с отцом после развода, и их близость друг к другу не оставляла места для Карен. Люси была полна жизни, она была похожа на порыв свежего воздуха, она была слишком велика и неуклюжа для их крошечного дома. Карен не входила в их мир и старалась не переживать из-за этого, однако порой к ней все же подбиралось гадкое, ревнивое, детское желание причинить боль.

– Похоже, ты единственный, кому есть дело до родителей. Тебе одному приходится взваливать на себя все, что здесь происходит.

– Ничего я на себя не взваливаю. – Билл грустно усмехнулся. – Мне нравится навещать маму и папу. Я не похож на сестер. Я скучный. И люблю спокойную жизнь.

Они сидели за маленьким столиком и смотрели друг на друга. Наступила короткая пауза. Карен понимала, что испортила вечер и, видимо, ей лучше уйти. Она встала и скрестила руки на груди.

– Извини, день получился долгий. Я очень много работаю. Ты не возражаешь, если я сейчас отнесу открытку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.